

ТАЛИСМАН ШЛИМАНА

Это зло дремало восемьсот лет.
Настало время пробуждения.

ОЛЬГА ОЗЕРЦОВА

Третий Китеж

Ольга Озерцова

Талисман Шлимана

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Озерцова О.

Талисман Шлимана / О. Озерцова — «Эксмо», 2020 — (Третий Китеж)

ISBN 978-5-04-172974-5

Детектив финалиста премии «Русский детектив 2021» в номинации «Дебют года». Книга высоко оценена жюри, в состав которого вошли такие культовые писатели, как Майк Омер, Татьяна Устинова, Вячеслав Прах. В маленький городок Градонеж приезжает группа ученых-археологов. Они ищут знаменитый талисман Генриха Шлимана, способный помочь разгадать тайну убийства ахейского царя и древних пророчеств. Однако в городке происходит серия странных кровавых расправ. На одного из ученых также совершается покушение... Очевидно, что все эти преступления напрямую связаны с миссией археологов — кто-то не хочет, чтобы она увенчалась успехом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172974-5

© Озерцова О., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ольга Озерцова

Талисман Шлимана

© Озерцова О., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

В коллаже на обложке использованы фотографии: © Sebastian Janicki, Vesnin_Sergey / Shutterstock.com

Пролог

Археологи – это детективы прошлого.
Агата Кристи

Ведь говорят же, что история – это загадка, бессмысленная и кровавая? Но это неправильно, смысл в ней обязан быть.
Умберто Эко. «Маятник Фуко»

Храни меня, мой талисман.
А. С. Пушкин

Что-то мучило. Я открыл окно, но в такую погоду, кажется, даже асфальт плавится от жгучего солнца. Вспомнил о талисмане Шлимана, выпил вина, лег на диван и попытался уснуть. И тогда это снова пришло.

Жаркие камни дышали. Раскалялся воздух. Но в дивном дворце было прохладно. Цветы таили счастье в лепестках, таких прихотливых, как морская пена. Там многое было создано будто из пены. Как богиня. И источники, и линии на стенах, и краски. Там. А здесь камни дрожали, горячие. Она потрогала их рукой, и теплота камней дала ей радость. Она поняла, что может сделать это благоговейно.

Жрецы здесь относились к ней с трепетом. Так было и с ее бабушкой при Хатшепсут. В этом было что-то сокровенное. Никто не знал, почему это так. И она тоже не знала. Но ей позволяли так много в стране, где так величественно возносились храмы, и пирамиды, и даже сфинксы. Где Амон-Ра казался им богом и фараон был для них богом. И была в их пустыне страстность. А смерть... Один человек говорил ей: «Умирать не страшно. Если меня похоронят в Египте, священного скарабея положат на сердце. И гробницу покроют яркими красками, изобразят и богов, и цветы, и людей. Прочтут заклинания, споют священные песни. Коль солнце будет светить, не забудет мое Ка эту землю». Она улыбнулась, вспомнив того египтянина, и поправила браслет на тонкой руке. Он любил целовать ее руки. И любил, когда она его обнимала.

Эти люди в Египте... У них своя странность. Их сфинкс величественен, но он улыбается. И его улыбка... Кто знает, может, потому, что так улыбается сфинкс, она и решила сделать это. А их жрецы ей все позволяли.

Она каждую ночь поднималась на пирамиду Джосера¹ – по камням, еще теплым от жара. И хранили горячую тайну святые ступени. Иногда с ней был и тот египтянин...

Я встал. Когда это началось? С тех пор, как ко мне стало приходить прошлое в своей первозданной красоте и жестокости? Когда я понял, что все продолжается?..

Выпить бы еще чего-нибудь холодного. Я достал из холодильника еще одну бутылку вина, налил его в бокал и задумался: «В такую жару трудно работать. Как же они в Египте и на Крите все это создавали?.. Хотя, наверное, именно в этом солнечном пекле и приходит особая ясность». Отпил терпкого красного вина. Какой, однако, острый и жгучий привкус у слова «тайна».

Взглянул на ксерокопию рисунка на минойской гемме, лежащую рядом с компьютером, и вспомнил странного человека, подошедшего ко мне на конференции. Зачем он отдал мне эту необычную картинку? И его история, в которой причудливо соединились коммерческий рас-

¹ Самая древняя пирамида, ступенчатая, находится в Саккаре. По преданию, ее архитектором был Имхотеп. – *Здесь и далее прим. авт.*

чет и вера в таинственный талисман из Атлантиды, якобы найденный Шлиманом и помогший ему сделать археологические открытия в Трое и Микенах, тоже удивила. Почему он обратился именно ко мне?

«Надеюсь, он не знает, что со мной происходит. Я хорошо помню, что началось это раньше той странной встречи на конференции. Кажется, ты тоже что-то почувствовала. Вчера в твоём голосе даже через телефон, с другого конца Европы, слышалась тревога. Допишу письмо, постараюсь объяснить тебе что-то, еще не до конца понятное мне самому».

Ничего особенного не случилось, не волнуйся.

Кстати, я получил грант, о котором ты спрашивала. Все-таки я могу позволить себе кое-что необычное. Моя научная репутация и не такое выдерживала. Мне только на пользу то, что с нами (со мной и моими учениками) происходит. Если это услышать, можно найти просветление и очищение. Если услышать...

Когда это началось? Старый жрец говорил, что я должна таить это.

Мой путь прихотливее, чем путь жрицы, о египтянин.

Не знаю, когда это будет.

Не знаю, кто это.

Но я вижу.

Я поднимался по черным ступеням. Потом долго лежал. Боль как будто снилась.

В тяжелом бреде мне казалось, что я какой-то мечущийся комочек нервов, который вся Вселенная жжет и бьет своими вихрями, камнями, холодом, дождем – всем, что есть в ней. И я живу, потому что я – чувство, последнее чувство жизни.

Боль. Мне было невыносимо.

И вдруг в какой-то момент я вспомнил... И встал.

Я снова шел по черным ступеням, оставляя своими ногами в язвах кровь и гной.

Я шел... Я... шел.

Я уже не проклинал.

Внизу безбрежная темнота расползалась по пустыне. И что-то неясное, как призрак, даже не светилось, а слабо мерцало вдали. То ли свет каравана, то ли костра. Может, мне казалось...

Тень ночи захватила пустую безбрежность пустыни.

Но понял я – рассвет придет,

рассвет приходит,

он извечен.

И спокойно шел вдаль.

Мне нужно идти, я хочу встретиться с моими учениками.

Я дописал и отпил из бокала, размышляя: «Лучше не буду сейчас ничего рассказывать ни им, ни тебе. Может быть, позже, когда эта странная загадочная история как-то прояснится. Ученики мои отнеслись ко всему так же доверчиво и просто, как в давние студенческие годы, когда я предлагал им темы курсовых или дипломов. А если мои коллеги начнут замечать что-то непонятное, я постараюсь облечь то, что мы сейчас делаем, в привычные традиционные формы – статьи и популярные издания... Тот странный человек с конференции, оказавшийся бизнесменом, говорил еще о проклятии Эхнатона, Атридов, об ахейцах, дорийцах, шумерах, и, что интересно, он был уверен – это принесет ему финансовую выгоду. Поэтому он был удивлен моим отказом. Конечно, лучше пока не писать тебе о том, что у нас тут творится. Моя позд-

няя любовь, ты, пришедшая в мою жизнь, когда я уже так немолод. Пусть твоя жизнь будет безмятежной».

И я добавил в письме:

Извини за сумбур. Надеюсь, ты простишь мой стиль – от этой жары у нас даже мысли путаются.

Встретиться с учениками мы должны за городом, в такую погоду мы решили обсуждать все на природе...

Глава 1

Древний ужас

Окна в машине были открыты, и сухой треск охватывал все вокруг. Запах горячей травы, оглушительный стрекот кузнечиков были везде. Он вспомнил, как раньше любил приезжать на дачу. Покой здесь – как в детстве снится, безмятежный. Тихо так. Будто и боли на свете не бывает. Казалось, чего же лучше, живи и живи, хорошо так. И статьи он даже там писал. А потом...

Что же это было? Такая оборванная и странная мысль. Он никак не мог ее додумать. Что-то есть в ней важное и очень простое. И такая нестерпимая тоска...

И с той страстью, с которой люди строили пирамиды и высокие храмы, он пытался понять.

– Александр Владимирович, как вам эта жара? – спросила у профессора Анна, его ученица.

– Хорошо, что мы вырвались из Москвы. Университет весь раскален. Посмотришь из окна – вдали даже голубая дымка, – сказал Глеб, который, как и Анна, в свое время был аспирантом профессора. Втроем они шли по тропинке к реке. – Хочется куда-нибудь уехать. Да хотя бы в маленький городок Градонеж. Там, наверное, не так жарко. А еще там ходят легенды про сокровища, камень и талисман.

Аня пожала плечами:

– А кто туда последним из наших коллег ездил, ты не забыл? Афанасий Никитич! Смерть у него была странная, утонул в болоте. Что-то не верится, что это несчастный случай. Может, он что-то там и нашел, но это ему не помогло. Уж не расследовать ли его гибель хочешь?

– Да нет, Градонеж – это, скорее, история про сокровища. Впрочем, там, кроме болот и странных камней, есть и озеро, и речка.

– Речка – это хорошо, а то мне сегодня аудитория попала на солнечной стороне. А уж как наши ученики стали изобретательны! Им удалось заболтать меня даже на экзамене, устроили дискуссию на тему, что чувствовал древнерусский книжник. «Вы знаете, Анна Георгиевна, мы же все равно не сможем понять, что они там себе представляли, думали в двенадцатом веке, когда писали». А другой с задней парты: «Так они для себя писали!»

– Анечка, еще мой покойный учитель говорил: «Если вас ученик спросит, из скольких камней построен Успенский собор, совсем не обязательно ему отвечать».

– Он хотел что-то почувствовать, Александр Владимирович, ведь действительно, знаем ли мы, что они ощущали в Средневековье и древности на самом деле?

– Думаю, Аня, он своего добился и ты поставила ему пять баллов за живость чувств.

– Да, но он же и тексты читал. И потом, как говорится, я так долго объяснял ученикам, что сам начал понимать. А вам не кажется, что мы в самом деле модернизируем сознание древних? Может быть, мы, по словам наших учеников, по-современному объясняем то, что думал древнерусский мужик. А если еще раньше – египтянин, житель Крита...

– В чем-то вы, Аня, правы. Пусть ребята пытаются что-то понять. Уже одно желание похвально. Пожалуй, и французская школа «Анналов» возникла, когда историки захотели объяснить, чем представления (то есть ментальность) древних отличались от наших. Иногда и мне приходит в голову, что мы читаем рукописи, пишем диссертации, учим учеников, а можем ли мы действительно услышать древних – как они чувствовали, любили...

И ее сладостно яркие губы все улыбались...
Вспыхнув, заблистали алтари и камни.

«Кто ты, скажи, я обнимаю богиню?»
«Разве у богини горячие губы?
Я могу рассказать,
где родилась и какого рода».
«Сладостен вкус твоих губ, будто
сок плода, что не насыщает. Ты уходишь?
Я хочу дальше знать песню твоего тела».
Благоуханная страстность страны у Нила.
Ветер шелестит в песках Египта.
Слышишь песню их уст —
поют уснувшие сфинксы.
Вам, живущим в песках, не понять тоску у моря.
Поцелуй волну, удержи ее чувственный трепет.
Он нежней, чем вздох груди от желанья.
Я иду по горячим пескам, и растаял
вкус тех поцелуев.
О, великий Озирис, научи не забыть
этот вкус перед смертью!
После гибели мира!
Храм разрушен, алтарь мой – песок и камни.
Я хочу увидеть, о друг мой дальний,
будешь ли ты о нас помнить².

– Да, в такую жару чего только не начинает казаться. А если еще и экзамены принимать...
Как хочется к морю!

– А мне в Градонеж, – снова пожаловался Глеб.

– И об этом я тоже хотел с вами поговорить. Идите сюда, здесь тень. Кабинет у нас будет под теми двумя соснами. Между прочим, мы с вами сидим прямо на селище двенадцатого века. А вот тут у них была пристань.

– Смотрите, даже керамика!

– Какой черепочек!

– Насколько вещи долговечнее людей. Даже обидно – столько поколений ушло, а какой-то кусок горшка остался.

Сосны шумели тихо, кора у них была золотистая, теплая от зноя. Птицы пели.

– Как они называли в летописях эту разноголосицу?

– «Птицы разнообразные».

Земля таит в себе следы пепла, боли, разбитую посуду, украшения. И были «мужи мудри и смыслени»³, а кругом был лес и бор велик. По реке плыли ладьи к высокому берегу. Рубили лес, строили храм и ловили зверя. Пировали с князем и дружиной. Была жизнь.

– Семинар мы устроили на хорошем месте, Александр Владимирович, может быть, и мысли к нам придут гениальные.

Глеб относился даже к профессиональным разговорам с эпикурейской жизнерадостностью и юмором. Его волосы и борода, густые, с проседью, и плотная фигура контрастировали с внешностью профессора, который был сед, подтянут и худощав.

² Любовная лирика Древнего Египта – одна из древнейших. Например, на гробнице Эхнатона было найдено послание. Обращено оно к Нефертити или к другой его жене, мы не знаем.

³ «Повесть временных лет».

В красивом лице Анны было что-то тревожное. Она с ожиданием смотрела на Александра Владимировича. На самом деле, зачем надо было встречаться в такую жару? Что случилось? Ее, по выражению Глеба, «высокопоставленный муж» относился к идеям профессора насмешливо, и это ее хоть и раздражало, но иногда заставляло задуматься. Они с Глебом давно знали своего учителя и любили его. В натуре Александра Владимировича чувствовалось обаяние академизма старой школы, которое передалось ему еще от учителя его учителя в традициях России XIX века. В соединении с опытом существования в культуре советской эпохи это приводило к особой широте взглядов, так восхищавшей зарубежных коллег. Но иногда вспыхивала огнем в его глазах сдержанная эмоциональность, и в этом было что-то влекущее, чувствовалось в его лекциях, работах и было хорошо знакомо ученикам. А теперь появилось еще нечто неожиданное. Профессор отказался от курса лекций, добился гранта, привлек их к своей работе. Из эгоистических соображений последнему надо было бы только радоваться, но очень хотелось понять, что все-таки за этим стоит.

– Итак, друзья мои, я хочу осмыслить гибель древних цивилизаций. И еще... А здесь тоже жарко, лучше пройдемся вдоль реки, там хотя бы ветерок.

Они пошли по берегу.

– Вы знаете, я могу себе это позволить. У меня уже столько научных работ! Вы тоже многого успели достичь. Мы делали все как надо, вполне традиционно, но есть еще кое-что. Я понял, что самое интересное происходит на грани. Существует же загадка тайны, такой литературный прием – тайна, нечто жгучее. И самое заурядное произведение влечет, если в нем есть эта закваска. Я хочу понять, что нас всех зовет.

Там, где кончается боль и начинается песок, мягкий и теплый. А потом – шершавая подстилка из хвои. Где твои губы не язвят, а целуют. И летит песня твоя над фиалково-синим морем.

– Кстати, я под это не только получил грант, но и нашел спонсоров. К вопросу о море – хочу, чтобы мои ученики тоже увидели древние памятники своими глазами.

– Я понял. Нам надо написать бестселлер, чтобы жить в хороших отелях.

– А почему бы и нет? Кто сейчас только не пишет. А мы хотя бы историю знаем.

– Подождите минутку, я, кажется, забыл мои записи на месте древней пристани.

Когда профессор отошел, Глеб сказал:

– Тема наша мне нравится, раньше таких у нас не было – широкая, занимайся чем хочешь: «Влияние культур и цивилизаций древности на литературу и искусство XIX–XX веков». Плюс командировки. Хорошо! Люблю путешествовать!

– Во всем этом знаешь что радует? Я надеюсь, наш шеф не предложит нам ехать куда-нибудь вроде Ирака.

– Кто знает...

Я смотрел на своих учеников, нарочно отойдя в сторону, чтобы еще раз обдумать, как с ними лучше говорить, не рассказывая всего и не вовлекая во что-то, возможно, небезопасное. А ведь поначалу тому человеку удалось заинтересовать меня, особенно копией необычного минойского рисунка.

Случилось это на прошлой неделе. Он сел рядом на конференции и несколько раз пытался со мной заговорить. Он невысок, полноват, с острой короткой бородкой. Мне запомнились его улыбка и нечто особое в манере общения, какая-то скрытая то ли наглость, то ли развязность, которая не сразу проявляется, когда человек в ком-нибудь заинтересован, как он был заинтересован во мне тогда. Хотя даже вначале он с напором говорил странные вещи.

– Я читал ваши работы. В последнее время вы ведь что-то ищете?

Чтобы как-нибудь от него отвязаться, я неожиданно для самого себя ответил:

– Тайну Атлантиды.

Лучше бы я этого не говорил – похоже, он совсем не понимает шуток. Он был ошарашен, брови поползли вверх. Но я в этот момент отвлекся, докладчику задали интересный вопрос, а когда снова обернулся к моему собеседнику, он пристально смотрел на меня.

– Значит, так оно и есть. Он был прав. Вы и про Шлимана знаете?

– Вы, наверное, меня не так поняли. Это была шутка.

– Но ведь вы интересуетесь Шлиманом и крито-микенской культурой, а гипотеза о связи Крита с Атлантидой сейчас многими разделяется.

– Я смотрю на это несколько иначе. Да и при чем тут Шлиман?..

Объявили перерыв, все поднялись и пошли в буфет. Я тоже хотел встать, но он гордо положил передо мной лист бумаги, и я, озадаченный, остался. На ксерокопии я разглядел два нечетких рисунка и две надписи. Изображения отличались изяществом линий и выразительностью фигуры лежащего мужчины и мелких деталей.

– Что вы об этом думаете?

– Похоже на копию рисунка на гемме или фреске минойской эпохи. Длинная надпись – линейное письмо А, короткая – иероглифы на Фестском диске. Я не специалист конкретно в этой области, но из того, что я видел, не припоминаю подобного сюжета.

– Вы не могли этого видеть, о нем знают очень немногие. А что вы скажете о лежащем воине? Там, вдали, посмотрите, мелко изображен еще кто-то. Похоже, здесь показано какое-то страшное преступление древности.

– Да, очень выразительное изображение. Не знаю, может быть, мужчина на первом плане действительно убит или принесен в жертву. Вот тут, рядом с ним, – четкий знак лабриса, священного топора. Скорее всего, это жертвоприношение. Но даже если это преступление, убийство, почему оно вас так интересует? Не собираетесь же вы расследовать то, что произошло более трех с половиной тысяч лет назад?

– Не расследовать, а искать. У меня есть другая версия. – Глаза его как-то странно блеснули. – Это предупреждение. Может быть, даже магическое предупреждение. Убитый поплатился за то, что узнал или стремился раскрыть некую тайну, заключенную в этом слове, в этой надписи. Может быть, тайну Атлантиды, почему нет.

Я разочарованно посмотрел на него:

– Я не говорил про Атлантиду. Но надпись действительно интересна. Откуда это у вас?

Он гордо взглянул на меня:

– От Шлимана. Мне пришлось проделать некоторые архивные изыскания, и, как видите, безуспешно. Не кажется ли вам, что это может быть чем-то вроде Розеттского камня для Шампольона?

– С той лишь разницей, что и линейное письмо А, и иероглифы не расшифрованы. Объяснить одну загадку через другую невозможно.

– Разрешите подарить вам эту ксерокопию. Мы надеемся на сотрудничество с вами.

– В чем? Я специалист по Средневековью, а тема, которой я сейчас занимаюсь...

Я не договорил.

– Вы ученый, интересующийся Шлиманом и Критом. Кроме того, есть еще одна причина, я скажу о ней позже. Вы спросили, откуда это у меня. Мой шеф, весьма влиятельный бизнесмен – кстати, у него самые широкие интересы, в том числе в области литературы и культуры, – некоторое время назад дал мне задание поискать документы по своей генеалогии и всему, что с ней связано. Ну, знаете, сейчас многие такими вещами интересуются. Я поработал в архивах, но никаких документов о титулах или особых заслугах его предков не нашел. Но отыскал кое-что, что его очень заинтересовало. Мой шеф оказался потомком человека, близко знавшего Шлимана, а потом и его детей, живших в России. Он был не только знаком со знаменитостями,

но и сам являлся яркой личностью и, более того, возглавлял некое движение или, скорее, организацию, название которой вам знать не обязательно, назовем их условно «дорийцами». Она была довольно влиятельной, но даже вам, думаю, о ней неизвестно, потому что, с одной стороны, они не афишировали свою деятельность, а конспирировались, а с другой – кто бы ее заметил, ведь Россия со второй половины девятнадцатого века буквально бурлила колоритными личностями и группировками. Тут и нигилисты, и нечаевцы, и террористы, теософские общества, а там еще и Блаватская – все себя рекламировали в разных формах и весьма шумно. Так вот, деятельность организации того человека была как-то связана со Шлиманом. Я нашел его воспоминания, где он рассказывал, как пытался помешать Шлиману, остановить его, отговорить от занятий археологией, путешествий, развода с Екатериной, а вот с детьми Шлимана, с его сыном Сергеем, он, кажется, впоследствии сотрудничал. В его бумагах я и нашел этот рисунок, который передал ему Сергей Шлиман, получивший его от отца.

– Но если это не фальшивка, подобно открытой в тысяча девятьсот двенадцатом году амфоре, в которой якобы лежали предметы из Атлантиды, найденные Шлиманом и спрятанные его детьми⁴, почему бы вам этот рисунок не опубликовать?

Глаза моего собеседника почти хищно блеснули.

– У нас другие цели. Но как интересно, что вы упомянули о тех предметах из Атлантиды! Значит, он прав и мой шеф не зря ему верит. Мы хотели бы сотрудничать с вами. У нас большие возможности, мы можем предложить такое финансирование, какое вам и не снилось.

– Но чего вы, собственно, от меня хотите?

– Сейчас расскажу. То, о чем писали журналисты в начале двадцатого века, действительно было подделкой, но ее смогли сделать именно потому, что кто-то знал или предполагал, что где-то существует настоящий талисман Шлимана из Атлантиды, что-то вроде философского камня, в котором скрыто тайное знание древних. И, по словам того человека, сын Шлимана ему об этом говорил. Вы нам можете помочь в его поисках.

– Вы ошибаетесь, – ответил я с холодной вежливостью, – я не верю в талисман из Атлантиды.

– Но подумайте сами! Ведь многие пишут, что удача Шлимана почти сверхъестественна. Он, как царь Минос, превращал в золото все, до чего дотрагивался. Два величайших открытия, два огромных клада, троянский и микенский – это сделал человек, не имевший приличного образования, коммерсант, не археолог. Так вот, возможно, в одном из своих путешествий, еще до раскопок Трои, скорее всего в Египте, он и нашел его. Кстати, в Египет он ездил и в конце жизни. Правда, есть версия, что Шлиман обнаружил талисман в России. Ваш коллега, Афанасий Никитич, искал его в Градонеже. Наверное, то был талисман с Крита, а Крит, как признают многие современные ученые, и есть Атлантида, или, как считают другие, наследник тайной мудрости Атлантиды наравне с Египтом. Обратите внимание, вся история с троянским кладом окутана мистической дымкой, начиная с того, как Генрих с женой Софией тайно вывозили сокровища из Турции в платьях Софии, потом в Греции прятали их в разных местах. Тут могло случиться что угодно. Кстати, в двадцатом веке – опять мистика, опять странная судьба у троянского клада! – он исчез на многие десятилетия и только сейчас был выставлен в Музее изобразительных искусств. Тут много тайн. И существование талисмана их объясняет.

– В одном я с вами согласен, открытия Шлимана – это действительно загадка, которую мы не замечаем и мимо которой проходим. Почему именно ему удалось их сделать, почему минойская цивилизация, погрузившись в забвение, была открыта только спустя три тысячи лет и почему вообще была открыта? В этом есть тайна. Но я подхожу к ней совсем с другой стороны.

⁴ Люди долго верили в эту талантливую подделку, возможно, потому, что она опиралась на реальные странные и загадочные моменты в судьбе Генриха Шлимана. Подробнее см. в Примечании.

– Не важно. Наверное, так даже лучше. Вы знаете, экстрасенс, с которым мы работаем...

«Так, – подумал я, – уже близко к моему Средневековью – теперь появляется придворный колдун. Чего только нет у наших «новых русских»!»

– ...сказал, что именно вам и вашим ученикам тайна будет открыта, он даже предрек где. И то, что вы не верите в то, что мы ищем, пожалуй, даже удобнее. Но что насчет финансирования и сотрудничества? У нас есть разные проекты, которые могут вас заинтересовать.

Поначалу я воспринимал его слова с юмором, хотя он не был похож на тех людей, увлеченных то Велесовой книгой, то поисками автора «Слова о полку Игореве» или Атлантиды, работы которых мне приходилось рецензировать. Но чем дальше, тем все более я чувствовал, что он другой породы. Здесь было что-то иное, и это начинало беспокоить меня.

Он вдруг предложил мне еще и участие в своем новом издательском проекте.

– У знакомого Шлимана есть последователи. Смотрите, какая интересная книжная серия, она будет просто притягивать успех! Наш отдел маркетинга просчитал, что тут возможна огромная прибыль.

Прочитав заголовок рекламного проспекта, который он мне дал («Проклятия и зло в истории человечества. Новый исторический проект»), я заметил:

– Извините, я готическими романами и ужасами не интересуюсь.

– Вы не поняли. Эти издания будут опираться на реальные исторические факты. Нужно только осветить их и вскрыть заложенный в них смысл. Одна из тайн истории – что, если есть идущая из древности некая огромная разрушительная сила, и эта энергия, эти флюиды разрушения действуют и сознательно, и бессознательно? Сознательно – проклятие, жрецы, проклинаящие Эхнатона и разбивающие его статуи, проклятие Атридов и многое другое. А бессознательно – дорийцы, гунны, готы. – Глаза его сверкнули. – Это сила древняя. Вы сами знаете, что в том периоде древней истории, которым вы сейчас занимаетесь, люди еще не придумали имени зла. Дьявола изобрели много позже.

Когда этот странный человек говорил о проклятии зла, меня не покидало ощущение, что он знает, о чем говорит. И историко-культурные обоснования, которые он подвел под свой издательский проект, нельзя было назвать ни примитивными, ни безумными. Не ограничиваясь чисто коммерческими выкладками, он говорил о вещах, от которых мне становилось жутковато. Некое анонимное движение, организация разрушения, флюиды которого, по его мнению, распространялись на всю историю мировых цивилизаций, он обосновывал всем известными фактами. В его странной речи было все: проклятие жрецов и разрушенные шедевры Амарны, Атриды и дорийцы, уничтожившие микенскую культуру, готы и даже гибель археолога Маринатоса от несчастного случая на раскопках на Санторине (о ней он так странно говорил, будто сам там присутствовал). Он даже улыбнулся – нет, ухмыльнулся как-то удовлетворенно, – отчего в его заурядной внешности мелькнуло что-то, будто виденное мною раньше где-то совсем в другом месте. Он и упомянул разрушение церквей в советский период, и даже почему-то предложил мне написать роман о дорийцах.

– Вы хотите, чтобы я писал о некой дьявольской силе разрушения?

Он настойчиво повторил:

– О начале этого зла, когда у него еще не было имени. Вам ли не знать, профессор, что дьявол – это позднее изобретение человечества.

Он говорил, а мне представился вдруг сияющий светлый мир, которого лишилось человечество. Каким он мог быть, если бы все эти статуи Праксителя, Фидия, все чудеса света, дворцы, храмы, деревянные церкви встречались бы на каждом шагу. Мы бы проходили мимо, и души наши были бы светлее. И я вдруг почувствовал что-то, что меня зовет.

Почему-то этот странный человек был уверен, что я соглашусь сотрудничать с его командой, и когда я отказался, он резко изменился, тон его стал развязным. Более того, он неожиданно стал мне угрожать. Выслушав его, я заметил:

– У каждого свой путь. Я предпочитаю возделывать свой сад.

– Какой сад?

– Это из Вольтера. Надеюсь, вы понимаете.

– Вы совершаете ошибку. У вас чересчур романтическое отношение к жизни. Весьма несовременно.

– Кто знает. В каждом времени есть элемент вечности. Когда изучаешь другие эпохи, это особенно чувствуешь. Однако для меня в нашем времени и в сегодняшней ситуации есть свои плюсы. Все кругом откровеннее. Знаете, что больше всего поражает меня в диалоге Платона, о котором мы только что говорили? Место, на которое почему-то не обращают внимания, мне кажется интереснее даже легенды об Атлантиде из того же диалога. Это рассказ египтянина о том, что цивилизации много раз возникали и гибли, не оставляя следов и «как бы немотствуя». Так вот, именно эта немота меня пугала. И теперь, когда заклятие немоты почти снято, я уже ничего не боюсь.

– А зря, профессор. Вы не очень хорошо понимаете ситуацию. Если раньше запрещали цензоры и редакторы, то теперь есть другие способы. Нам стоит только шевельнуть пальцем...

– Вы что, киллера ко мне подошлете? – спросил я с иронией.

– Возможно, тут хватит и домушника. Разные есть способы. С людьми ведь всякое может случиться. Вот и ваш коллега, Афанасий Никитич, в болоте.

Я вздрогнул. В последнее время отношения с Афанасием у меня были не очень хорошие, но его внезапная смерть... Кстати, незадолго до этого он говорил что-то странное про какой-то талисман в Градонеже. Знал ли мой собеседник об этом?

Он между тем закончил:

– Ваш отказ – не только финансовая глупость. Он опасен.

Я взглянул на подошедших учеников, услышал их смех, и воспоминание о том разговоре поблекло. Они спросили, не хочу ли я послать их на раскопки в Ирак.

– Придется, Анечка, ограничиться археологическими публикациями. И все же представьте себе то, что раскопал Вулли: замурованные в могиле царицы, прекрасные женщины, в драгоценностях, под звуки арф выпивают яд.

– Мило.

– Я бы даже сказал, круто.

Наступил вечер. Мы разулись, пошли босиком. Травы, высокие и влажные, тихо опутывали ноги. А теплый песок мягко щекотал их.

– Хорошая мысль – гулять и разговаривать. Не зря они в Древней Греции такое придумали.

– Греки, ахейцы, минойцы... В идее о связи Атлантиды и минойской цивилизации на Крите что-то есть. Знаете, когда я читал Жака Кусто, мне запала одна фраза: «Я охвачен страстью. Это не костерок из сухотравья, а глубокий интерес к истории, который овладевает и разумом, и сердцем. У меня создается впечатление, что едва изученная минойская культура зовет меня из глубины веков. Мне кажется, меня как магнитом притягивает она».

– Между прочим, один знакомый археолог рассказывал мне: иногда ему кажется, что археологические открытия не случайно происходят в какой-то определенный момент – древние как бы хотят, чтобы их раскопали.

– А у вас нет чувства, что Атлантида и минойская культура так влекут нас, потому что это «проблема «Титаника»? Чингиз Айтматов говорил: «Главное, чтобы с человечеством не произошло того же, что с «Титаником». А ведь он прав – такая гибель, когда ничего не останется, пугает больше, чем конец света и Страшный суд. словно предупреждение: зла так много, что мир может погибнуть».

– Цивилизации уже много раз возрождались и гибли, «как бы немотствуя». Помнишь, в рассказе египетских жрецов у Платона?

– Да, в безмолвии для потомков. Может быть, это страшнее всего.

Удивительно, оказывается, мои ученики тоже обратили внимание на то место из диалога «Тимей».

– Но осталась же легенда саисских жрецов об Атлантиде. И сквозь немоту прошлого кое-что доходит.

– Знаешь, по мне, минойская цивилизация была красивее, чем описание Атлантиды у Платона, как живой цветок лучше философского софизма. Насколько я помню, оно довольно сухое...

– Сухое или нет, оно многих волнует. Только книг и статей по одной Атлантиде насчитывается несколько тысяч.

– Да, кстати, я недавно встретился на конференции с одним атлантоманом и подумал – очень интересно, почему вдруг некоторые явления, легенды и сюжеты начинают вызывать у всех такой жгучий интерес. Они могут быть самыми разными – от Атлантиды до современных бестселлеров. Помните, Глеб, мы с вами говорили, любопытно было бы посмотреть структуру бестселлеров в нашем российском варианте? Для начала напишите, пожалуйста, эссе или статью на эту тему.

– А потом по твоему рецепту, Глеб, еще что-нибудь. Я уже поделилась вашей идеей, Александр Владимирович, с друзьями. Они сразу спросили: «А труп будет?»

– Да, как же с трупом, Александр Владимирович? Без него не обойтись!

Почему-то мне вдруг вспомнился человек, изображенный на минойской гемме.

– Относительно жертв преступлений, попробуйте сравнить, Глеб, современные бестселлеры с древнегреческой трагедией.

А потом я вспомнил Афанасия и его гибель в болоте. До древнегреческой трагедии тут было далеко.

– И назовем статью «От древнегреческой трагедии до бестселлеров».

– Хорошо бы еще приправить это каким-нибудь родовым проклятием, чем древнее, тем лучше. Вроде проклятия рода Атридов или фараонов.

– А вы знаете, почему всегда только проклятие? Почему не благословение, посланное сквозь века?

– Интересная мысль. Об этом надо подумать.

– Раз бестселлер, нужны еще голые женщины. Обнаженные, я хотел сказать.

– Ну уж это по твоей части, Глеб.

– Кстати, то, что сейчас крутят по телевизору, никого уже не интересует. Должно быть что-то запретно-трепетное, как в Средние века. Даже тувелька под длинной юбкой их очень возбуждала.

– Глеб, не заменяй нам эротику башмаками. Уж лучше какие-нибудь магические обряды, их как раз совершали нагими.

– Ань, идея – критянки, длинные широкие юбки и обнаженная грудь...

– Пожалуй, вы правы, Глеб, даже я прочувствовал.

– А назовем это, Александр Владимирович, мистико-магическим эротизмом.

– Ну, с этим, я думаю, у нас будет все в порядке. Но нам еще надо постараться понять и услышать, ведь самое интересное происходит на грани. Надо быть свободными. Мы дадим себе полную свободу в чувствах, стиле, в восприятии древних цивилизаций. Хотя почему-то даже мне немного страшно...

– Скажи мне, чего ты боишься?

– Отпусти мою руку, о египтянин. Я не боюсь, с чего ты взял? Я спокойна, но покой этот странный, как будто я что-то сейчас услышу.

– Что ты можешь услышать, прекрасная дева? Как к лицу тебе наше платье! Все же странный другой твой наряд, привезенный с Кефтиу⁵. Дай мне руку. Одно в вашем платье дивно красиво. Ваши девы открывают грудь ветру и нашим взорам.

– Ты смеешься надо мной, египтянин. Мы раскрываемся звездам, богам и солнцу. Наше сердце, дыхание и кожа открыты миру. Если и вы вдруг взглянете – это случайность. Но я сегодня не хочу шутить. Ты пойдешь со мной по ступеням Джосера? У меня чувство, будто, когда я поднимаюсь по ним, иду ввысь, к небу. Еще ступень, и сейчас услышу...

– Что услышишь?

– Не знаю. Какой-то ветер...

Ты слышишь?..

Тихо и жарко. Пошли.

Тихо и жарко в Фестосе. И ветер тысячелетий шумит. Когда мы приехали на экскурсию, солнце пекло нещадно. Но если отойдешь от королевского дворца туда, к руинам покоя принцессы, – ветер крутит, срывает шляпу, он жаркий.

Что это было?

– Письма нашего учителя становятся все непонятнее. С ним творится что-то странное.

– Мне тоже так показалось. Это происходит с тех пор, как он уехал на Крит. Я думала, он поедет отдохнуть, а он...

– Он хочет понять загадку.

– Южный климат не для него. Вместо того чтобы купаться в море, он стал ездить по раскопкам... А знаешь, со мной тоже что-то такое случилось.

– С тобой? Что?

– Да так. Я шла в университет, смотрела, как шелестят ветви деревьев у дороги, и вдруг в душе возникло давнее, дальнейшее чувство, какая-то огромная внутренняя наполненность мира. Синий вечер, тонкие ветви, фонари, врезающиеся в глубь неба. Большое здание темнеет неровной причудливой громадой, его ярко-желтые окна призывно горят. Тысячи смехов, объятий, боли. И тут, как поется в студенческом фольклоре, «на фоне величественного здания МГУ появляется мятущаяся фигура студента». Я поднимаюсь по ступеням в главное здание и вдруг вижу нашу ученицу со второго курса. Она бежит торопливо, спотыкается, падает, быстро вскакивает, подбирает со ступенек выпавшую из сумки хрестоматию. Глаза у нее светлые и тревожные – спешит на свидание, а завтра экзамен. Наверное, эти ступени не забыли и мои глупые шаги, такие же юные... Глеб, ты помнишь эту жгучую жажду счастья? Казалось, умрешь без него, любишь всех людей, и будто чувствуешь – счастье на земле...

– Встать, что ли, на ту же ступеньку памяти, что и ты... Вот, очень ясно вижу, как утром мне не хочется просыпаться – нет ничего противнее пробуждения во время сессии. Натягиваешь на голову одеяло, будто это может спасти от экзамена или удержать в голове исчезающие знания. За завтраком пытаешься впихнуть в себя еще сто страниц, а потом плюешь и думаешь, вдруг на экзамене осенит. И ведь осеняло.

– Ты что, хочешь сказать, что никогда не бегал на свидание вместо того, чтобы готовиться к сессии?

– Хм-м... Знаешь, а я ведь действительно не забыл свое чувство на первых курсах. Сейчас мало кто поверит, что со мной могло быть такое. Странно, прошло столько лет, а мне иногда хочется вспомнить мою первую боль, понять ту юную любовь.

⁵ Так в Древнем Египте называли остров Крит.

Сколько народу... Хоть бы на минуту ее увидеть! А зачем, собственно, она отвернется? Я за ней не побегу. Может быть, только поздороваемся. Я начинаю сомневаться, что она существует, и в то же время всматриваюсь, ища ее за пуховыми воротниками, хоть эти встречи нам ничего не дают, мы чужие... И неизвестно, кто еще больше виноват. Я иду на лекцию, поднимаюсь по лестнице, боюсь и хочу случайно ее встретить. Мне кажется, стены от этого желания должны растопиться, и тогда она почувствует. Вернее, я не ищу, не жду. Но эта бесконечная толпа, эти люди – среди них ведь может быть она...

– В общем, Ань, ты права, в студенческой жизни есть что-то волнующее, как хорошее вино. Кровь слегка шумит, хочется петь «Гаудеамус», «Возрадуемся»... Друзья мои, осторожнее!

– Ой, извините, – сказал поднимающийся по лестнице ученик.

– Чуть не выбил у меня из рук дипломат! Между прочим, с материалами для Александра Владимировича!.. Куда это они бегут? – спросил Глеб, провожая взглядом шумную ватагу учеников.

– Думаю, в буфет или на дискотеку. Сомнительно, чтобы на лекцию.

Ступенька – подъем, ступенька – паденье. Нас много, мы живем, мы разные, нас очень много. Поднимемся по ступенькам ко входу... Кто мы, что мы, куда мы идем?

Жизнь – в трепете веток, чувстве голода и ветра, развевающего волосы, перехватывающего дыхание; в ошибках, в звездах, отраженных в грязных лужах.

Ступени стираются человеческими шагами и все помнят.

Странный, страстный дождь. Холодные капли падают на лицо, будто оставляя ожоги. Такое чувство, будто надо вырваться куда-то, будто голод, душа словно полна до краев какой-то прохладной чудной влагой. Говорят, что нельзя жить без хлеба, воздуха и воды, но разве человек может жить без счастья?

Ожидание встречи, непонятость, лихорадка, жизнь – сладостью, горечью, ожогом на губах, в изменчивости, в измученной вопросах молодости. Я жарко люблю твою боль, и горе, и грязь под ногами. Идешь из читалки, и горячо и ярко блистают в темноте огни университета, а в лужах – звезды.

Звезды – словно грозди, грозди винограда,
налились прохладным соком
и прольются.
В глубине земли перестоявшись,
он поднимется...
Море бьется о теплые скалы.

Жрицы пели в высоких горах, собирали цветы наши девы. Здесь могла зародиться радость. Наша песня о жизни.

– Как у нас весело было! Я помню, как бегала по пригорку в Фестосе. Я еще вернусь в тот дворец. А море у Кносса!.. Дочь моя уезжает на Кефтиу.

– Как, уже? Послушай меня, вы весело живете, я знаю вашу красоту, она такая прихотливая и светлая, – он улыбнулся. – Но вы не ведаете бессмертия, вы слишком легко живете. Только здесь, в Египте, мы знаем... Ты хочешь лишить ее бессмертия? Мы века, тысячу лет думали об этом.

– От того, что вы сохраните мертвое тело, от того, что создадите высокие пирамиды и храмы, вы не найдете цветок бессмертия. В нашем роду не все решают мужчины. Девочка едет на Кефтиу, а я за ней, но позже.

– Когда?

– Не знаю. Что-то меня позовет, быть может, ветер. Я уеду. Ваша песня – о смерти, наша – о жизни. О том, как могла зародиться радость.

На горячие камни летит прохладная пена.
И святая ласка моря.
Волны – словно губы бога.
Как толькоходишь в воду...

– Вы все купаетесь? Уже пора в Кносс.

Играть у берега опасно, тут много тайн. Вдруг выйдет из вод горячий бык? Дыхание его страстно, а взор безбрежен... и ласков.

– А ты все шутишь.

– Скажи, когда ты уезжаешь в Египет?

– Говорят, там очень жарко.

Прохладная пена летит на горячие скалы.

И дотрагиваются волны, словно губы бога молодого, как толькоходишь в воду.

Тогда ей казалось, счастлив ты – значит, ты бессмертен, умрешь – рассыплешься песком, исчезнет все. Но счастье... Ты улыбаешься, египтянин.

Она снова вспомнила свою юность, то, что было перед ее отплытием в Египет.

И воды теплые, и словно в небо плывешь. Юный воин в иноземной одежде, но с волосами, сплетенными по критской моде, засмотрелся, как она купается. Одна из девушек намочила букет лилий в пене прибоя и обрызгала его, воткнув ему в волосы лилию. Две другие тоже подошли и, пока он удивленно смотрел на цветок, дружно столкнули его в воду со скользкого камня, на котором он стоял.

– Страсть становится легкой, если ее окунуть в воду.

– Чего вы все смеетесь? Я поймал быка, я прыгаю через него лучше ваших воинов!

Самая веселая из них, та, которую подруги звали Игруньей, насмешливо вторила ему:

– Лучше многих мужчин... Да знаешь ли ты, чужестранец, – может быть, бог ее целовал! Даже жрецы говорят о ней странно! Где уж тебе!

Он вылез из воды и растерянно стоял, пытаясь отжать могучими руками набедренную повязку, украшенную драгоценными бляхами. Его мощная фигура в сочетании с недоуменным выражением лица вызвала новый взрыв смеха у девушек. Игрунья, дразнясь, пыталась одернуть свою широкую юбку такими же неловкими движениями, как воин.

– Ты знаешь, что такое счастье, как оно пахнет, какой у него вкус и где оно?.. Почему ты опять улыбаешься, египтянин? Я не буду тебя целовать, пока не скажешь.

– Рассказывай и пой мне дальше ваши песни. Они так же прекрасны, как твои волосы в прихотливой прическе, и дивные глаза, и вся ты.

– Нет, не все расскажу я тебе, египтянин.

Тогда она подошла к берегу, обойдя камни, но у воды уже стоял иноземный воин.

– Победитель быка... Ты и сам как бык. Только есть ли у тебя, кроме силы, его высокий божественный дух?.. Дай мне пройти.

– Расскажи, как целуют боги.

– Как волны.

И вдруг он схватил ее. Горячие руки и глухие удары сердца. Он поцеловал ее. Она резко вырвалась, оттолкнула его и быстро пошла прочь. Она шла не оглядываясь, думая, что скоро уедет и такого больше не повторится. Но его поцелуй горел на ее обожженных губах.

Игрунья подошла к воину.

– Нам пора, хоть и хороша эта вилла у моря.

– Я найду ее в Кноссе.

Игрунья покачала головой, улыбнувшись:

– Тебе не пробраться к нам во дворец, иноземец. Лучше возьми наш цветок. Но целуешь ты, видно, не так, как боги...

Он шел один по долине меж гор к Кноссу. Больно и страстно стучало сердце, отдаваясь во всем теле. Хотелось глубже вздохнуть, и в то же время будто не хватало воздуха. Все, что случилось с ним за последние дни, слилось в одно безудержное желание. Он еще ощущал ее в своих руках, будто обнимал все то, что так дивило его здесь. Это такое непонятное, далекое и чужое – завораживало.

Он вспомнил, как первый раз еще дома увидел их вазу. Она стояла в мегароне. Заметив, как он разглядывает причудливое переплетение извивов то ли линий, то ли цветов и водорослей, старый воин отца со странным ужасом схватил его за руку.

– Бойся! Твой отец не послушал меня и поставил здесь этот пифос. Он слишком гордится своим богатством и любит заморские дары.

– Чего тут бояться? Она прекрасна, как наваждение.

– То-то и оно. Это опасная тайна. Страшно их колдовство. Вот и ты, юноша, ему поддался. Кое-кто и у нас говорит, что перед ней и меч воина, и золото бессильны. Не для того я тебя учил сражаться, чтобы ты, как многие, что жаждут ее узнать, возжелал ее. Не думай об этом.

И уже тогда он захотел к ним поехать. Теперь он победил быка, а потом...

Мягкие склоны гор поросли деревьями. Он смотрел, как ветви шевелятся, шелестят и чуть поблескивают листвой. Глядя на них, хотелось услышать, как боги шепчут слова любви.

Он вспомнил чудные фрески. Увидев их в первый раз, он подошел и, словно замороженный, слегка дотронулся до прекрасной нарисованной девы, подававшей цветы богине. Он водил пальцами по руке и по нежной груди и вдруг услышал смех Игруньи, рядом с которой стояла она. Но самая жгучая и прекрасная тайна, которая притягивала его, была во дворце, запретном для иноземцев. Там он ее найдет и, прижав к себе, почувствует все это колдовство в своих руках... И какая-то дикая, страстная нежность, от которой хочется кричать, родилась в нем.

«Эвое», – шептали губы.

«Эвое», – кричали руки.

Звонко звезды в небе

отвечали: «Эвое».

«Эвое», – земля прекрасна.

Я пьяна и без вина.

«Так это же их песня!» Неужели ему удастся подглядеть их праздник? Крадучись, прячась за деревьями, он подбежал к роще, где слышались песни и смех, мелькали факелы. Вот редкая удача! В лунном свете девушки в широких юбках плавно двигались, подняв руки к звездам. Он видел их замысловато заплетенные косы, сверкающие камни в волосах, круглые серьги. Иногда проглядывалась белая грудь. Они подбрасывали в воздух цветы и ловили их. Он задохнулся от неутоленной жажды.

Кисти винограда звонко

отвечали: «Эвое».

«Эвое», – земля прекрасна.

«Эвое», – она пьяна.

И цветы, и наши губы —

все сладки и без вина.

Проливают звезды сладость.
И цветы, и пена моря —
отдают святую силу в эту ночь.

— Этот наш танец, как он кружит! Тянешь руки вверх... Я помню это чувство, мне казалось, кто счастлив — тот бессмертен. Может, в счастье люди — как боги?.. Ты опять улыбаешься, египтянин.

Благословенна земля, коль ты так прекрасна.

Голоса удалялись — девушки, наверное, уходили в Кносс. А иноземец, так и не посмев к ним подойти, остался в роще, сел в траву и прислонился к дереву.

И вдруг услышал — что-то еще происходит.

— О, боги! Это они разбудили своим танцем!

Тишина ночи дрогнула. Все кругом наполнилось страстным вздохом — цветы, листья, травы. Звезды набухли живительным соком, пролились в черноту земли. Он кожей ощутил стекающую с листьев таинственную силу. Так можно познать великую тайну обнаженного естества — как боги шепчут слова любви...

Вздох ширился, разрастался в ночи, и в нем он услышал:

Я воздух, которым ты дышишь.
Дыхание мое — ветер, вдохни меня!
Тепло мое — солнце,
ветвями деревьев обниму тебя.

Болью моей стань, кровью моей стань,
песней моей стань.
Жжет меня вечная страсть земли,
не разрубить пополам плоть, что срослась в ночи.

Жжет меня вечная страсть земли,
не разрубить пополам плоть, что срослась в ночи.
Губы мои — твои, тело мое — твое,
счастье мое — с тобой.
Иди ко мне, землей заклинаю черной,
рождающей, вечной!
Водой заклинаю — иди!

Между деревьями он увидел Игруню. Она шла, дотрагиваясь рукой до яркого ожерелья на груди, а в другой несла большую охапку цветов.

— Что это? Я слышал песню или заклинание?

— Ну, может быть, это пел бог.

— Бог или пастух в горах?.. Скажи, ее любил бог или пастух? Ваши принцессы ведь могут встречаться с кем угодно.

Игруня лукаво пожала плечами:

— Кто может запретить красавице встречаться с богом или пастухом в такую чудную ночь?

— Где она? Я хочу ее найти.

— Ищи.

Игруня побежала туда, где громадою чернел дворец, и он тоже медленно пошел к нему. Он даже не видел стражей, им будто и не надо было охранять дворец снаружи, ведь разве кто-нибудь, кроме него, осмеливался на это? Луна то показывалась, то скрывалась за облаками.

Причудливый дворец возвышался перед ним так странно: террасы с колоннами, портики, балконы то поднимались, то опускались неровными рядами; плоские крыши громоздились одна над другой, освещаясь лунным светом или вдруг темнея. И не в силах побороть влекущее волнение, воин вступил на лестницу.

Он поднимался по тихим ступеням Дороги Процессий и наконец встал перед дворцом. Он еще колебался. Ему страстно хотелось пробраться в глубь этих покоев, запретных для иноземцев. Он не сомневался в силе своих рук – не побоялся же он когда-то быка, – но тайна...

Он вдруг подумал, что, идя тем путем, которым пускают в тронный зал всех, и иноземцев тоже, не найдет то, что ищет. Сбоку он увидел широкую террасу с колоннами и прыгнул на нее. Каждая колонна расширялась кверху, и только с его ловкостью можно было залезть на крышу террасы.

Рядом располагался балкон с еще одной крышей с каменными рогами, которым здесь так страстно поклонялись. Он пробрался к ним и на мгновение замер. Дотронулся до рогов и испуганно отдернул руку. Они зашевелились и стали горячими. Тогда воин вынул из волос цветок и положил его на рога. Они вновь остыли и стали неподвижны. Даже их священный бык любит цветы... или это почудилось, померещилось?

Глубина дальних комнат властно его манила. Ухватившись за рога рукой, он раскачался, прыгнул и оказался на другой террасе. Сейчас он попадет в самое сокровенное место... И правда, терраса вела в маленькую комнату, а за ней была широкая лестница, откуда доносился странный горячий запах. Он побежал по ступеням. Внезапно лестница кончилась, и перед ним оказался большой зал, в конце которого еще несколько ступеней вели вниз.

Это было их тайное святилище. Такую же комнату он видел в тронном зале. Тогда он заметил, как человек спускался по лестнице вниз, но что там, осталось ему неизвестно. Он увидел сосуд чудной красоты, в нем курились какие-то благовония, загадочный запах которых он как раз и почувствовал на лестнице. Иноземцы называли это «бассейном для очищений». На возвышении стоял лабрис. Ему захотелось дотронуться до этого священного топора, но, вспомнив рога, он удержался.

Постоял, не зная, что делать и чего ждут от него боги, и, подумав, что сюда могут прийти жрецы, поднялся по ступеням, прошел по залу, потом по узкому коридору, по маленькой боковой лестнице и очутился в новом месте. Тут спал, безмятежно храпя, слуга. Им совсем не приходило в голову, что кто-то может пробраться в этот дворец-лабиринт. А может быть, они были уверены – оказавшись здесь, чужестранец никогда не выберется обратно («Из нашего лабиринта ты не найдешь выхода», – говорила Игрунья). Однако, что же этот спящий тут охраняет? Коридор довольно длинный...

И вдруг сверху просочился лунный свет. Сквозь дыру в потолке, словно из колодца, он увидел небо. Но он не удивился – они здесь много чего диковинного придумали.

Он вошел в маленькую комнату. «Это же ванная!» На полу еще было мокро, ароматно пахло. В той вилле, где он остановился, тоже была подобная, правда, не столь красивая. Вообще-то как воин он не понимал таких изысков, но сейчас, почувствовав, что взмок от кружения по запутанным переходам, он зачерпнул воду, еще остававшуюся на дне ванны, и умыл лицо, пригладив руками волосы. Ах, надо сказать, чарующий аромат у их дев, на его родине такого не почувствуешь. Какие-то лепестки плавали в воде, он ощутил их запах на своей коже. Однако же не за тайной изысканных ароматов он сюда пробрался. Кругом стояли маленькие вазы и кувшины. В один он засунул палец, поднес к носу, и будто целый луг цветов дышал на него.

Он пошел дальше. Впереди увидел огонек... Вдруг это она зажгла? Но даже если и она – для него ли? Может, она любит бога? Он остановился. То оказался светильник, освещавший фреску – грациозная богиня среди цветов и зверей чем-то неуловимо была похожа на нее. Может быть, странными чудными глазами. Или этим легким жестом. Девы в его стране не

умеют так подавать ожерелье. У них бы это получилось либо слишком величественно, либо неловко. Неужели Игрунья права и ее в горах обнимал бог? И он, еще юный воин, ощутил в груди огромную силу. Он пылал возмущением, был готов пробить стены, чтобы овладеть той, что так беспечно уезжала в Египет. Жгучее раздражение от этой певучей красоты охватило его, пока он смотрел на богиню в цветах. Найти, схватить, подчинить эту неуловимую беспечность, этот смех!

Он бросился бежать со всей своей, как говорила Игрунья, иноземной силы по темному коридору, с размаху ударился о каменный выступ, вновь побежал, петляя по переходам, в своем юном нетерпении натываясь на стены, и ему все казалось, что он видит, как впереди что-то светится. Дворец таил неведомое. Вот лестница, она шла вниз, вниз, а там...

На возвышении стояли темные священные статуэтки. Жены или девы держали змей, те обвивали их руки. Эти маленькие богини показались ему зловещими, будто что-то пророчили, может быть, великое или страшное. Он не жрец, ему не понять, что они хотят сказать, и их черные тайны не нужны ему сейчас. Жаркая кровь стучала в его юном сердце, он снова ощутил, как прижимает к себе ее грудь под тонкой мокрой рубашкой. Когда он ее целовал... что за трепет был в ее губах? Вот что он хотел сейчас узнать у темной богини! Это было ему важнее тайны земных недр, что выпытывают здесь жрецы. Ему нужна она, лишь она!

И он снова поспешил по извилистому коридору. Комнаты, лестницы, переходы попадались ему на пути. Неужели она не чувствует его желания? Может, все же она разожгла огонь, что вновь так странно мерцает вдали? Дворец таил неведомое.

Внезапно он ощутил, что потерял путь, запутался. Будет позор, если утром они его найдут и так презрительно посмотрят на него, которому недавно рукоплескали после игр с быком и который не захотел мириться с тем, что не отдали ему добровольно, а ночью пробрался, как вор, чтобы добиться этого силой. И дворец не отдал ему своих тайн, заморочил. Он представил себе лица жрецов и ее недоуменный взгляд. Это хуже казни, хуже, чем смотреть в глаза дикому быку. И все же он не чувствовал себя виноватым, ибо страсть, казалось, давала ему право добиваться этой красоты так, как он хочет. Но утренний позор будет страшнее быка-прародителя, который, говорят, бродит здесь по ночам. Лучше встретиться с ним, чем дать себя заморочить этому дворцу.

Он отбросил ставший ненужным меч, сел на холодный пол, обхватил голову руками и почувствовал дрожь. Тогда вдруг он вспомнил беспечную богиню на фреске и ее беспечно-щедрую, не ведающую терзаний улыбку. Он взмолился: «Помоги мне, ты, которую воспевают в цветах и травах у моря! Я могу сражаться голыми руками с быком, мечом – против воина, а какое есть оружие против тебя? Ты заколдовала этот дворец. Может, нужны те топики, которым поклоняются в лабиринтах? Чем мне сражаться?!» И тут, желая поднять отброшенный меч, он нащупал что-то мягкое на скользком полу и в пробившемся сверху лунном свете увидел, что это... лилия. Чуть дальше впереди лежали другие лепестки. Схватив цветок, он побежал по этому зыбкому следу. Он вспомнил, как часто гадали их девы, обрывая лепестки у цветов.

В слабом свете он разглядел развилку коридора, на миг засомневался, куда идти, но лепесток лежал по правую руку. И он поблагодарил беспечную богиню. Пройдя несколько шагов, он вдруг снова увидел ее изображение, у которого уже был раньше. Она, казалось, смеясь, шептала: «Вот оно, мое оружие. Держи его. Оно легче, чем твой меч, но, право, его запах лучше, а вид приятнее».

Он осмотрелся, все еще не веря, что избежит позора и найдет выход, и тут заметил Игрунью, обрывающую последние лепестки у цветов. Еще один букет лежал около богини.

– Что с тобой? Где ты нашел мою лилию? Ты очень рискуешь. В самом деле, если вдруг тебя обнаружат здесь... – Она подошла ближе и, посмотрев ему в лицо, расхохоталась: – Видел бы ты себя, великий воин! Зубы скрежещут, глаза горят, лицо красно...

Он отвернулся, а она вдруг с жалостью взяла его за руку.

– Ты так ничего не поймешь и не узнаешь счастья. Посмотри, какое ожерелье подарил мне друг. Он не бегал за мной по закоулкам дворца, я сама подала ему руку.

Ожерелье и вправду ярко блестело на ее шее. Но еще ярче казались ее веселые губы и счастливые глаза.

– Послушай, Игрунья, мне кажется, ты можешь быть добра и понять чужеземца. За что все это со мной происходит? За что мне такое унижение? Ее вправду любит бог?

– Пойдем, я выведу тебя отсюда... Мы все добры. Ты когда-нибудь поймешь. Ты нашел путь к богине по случайным цветам. Эта ночь к тебе благосклонна. Ты скоро почувствуешь это. Что нас ждет, кто знает? Ты уедешь, она уедет. Но вокруг Кносса цветут цветы. И меня ждет мой друг. Пойдем скорее, любитель лилий.

И когда выбрался на террасу, с наслаждением вдохнул воздух, напоенный цветами, вдруг, несмотря на все, он почувствовал радость.

По вечерам стоял темный густой воздух, раздавался звон цикад.

Сегодня за обедом Таня, очаровательная молодая девушка (ей пятнадцать лет, она радует всех в нашем отеле у моря), сказала:

– Что это меня глюки мучают? Мне кажется, что все это уже было, мы так же сидели, о том же говорили...

– Такое бывает, это что-то типа реинкарнации, когда вспоминаешь прошлое, – заметила светловолосая дама, моя соседка, пробуя терпкое местное вино.

– А я вот думаю, что ей видится то, что будет.

– Пророчица?

– Не совсем.

– Александр Владимирович, а здесь были свои вещуньи?

– Наверное. Мы мало чего знаем. Минойская цивилизация существовала тут еще раньше, чем Кассандра и пифии в Дельфах.

– Это про Кассандру рассказывается в мифах, что она после взятия Трои жила с воином?

– Да, она стала наложницей царя Агамемнона. Их потом обоих убила жена Агамемнона, Клитемнестра.

– Я бы не хотела такого конца, как у нее, я бы убежала.

– Я чувствую, что наша пифия уже совсем перегрелась на солнце, – заметила Танина мама.

– Александр Владимирович, у вас тоже плечи покраснели. Пойдете завтра с нами на пляж? Или вы опять на раскопки?

– Смотрите, дождь пошел.

– Говорят, здесь это редкость.

– Вы куда, Александр Владимирович?

– Пойду погуляю, посмотрю на дождь. Он и правда здесь редко бывает.

Дорожку, ведущую от отеля к морю, окружали кусты и цветы. Наверное, меня тоже начали здесь мучить эти самые глюки. Я смотрел, как на хрупких ветках сверкают капли, как драгоценные камни в волосах самой тонкой и большеглазой девушки. И мне вспомнилась юношеская мечта. Когда же я это представлял себе, в школе, в университете? Я смотрел на мокрые листья и чувствовал: у нее должны быть таинственные, глубокие, мерцающие, как эти капли, глаза. И хотелось задать детский вопрос: «Как имя твое?»

В таком расслабленном состоянии я вышел к морю. Дождь внезапно прекратился. Море у ног осторожно, мягко дотрагивалось до берега, как женские руки. Я сел на лежак у самого прибоя. Он шумел, разлеталась пена. Что-то странное пришло на ум: «Ты, море теплое и доброе. Ты, начало цивилизации. Ты, создавшее красоту. Дай нам...»

И пришло чувство нежности. Оно было пугающе тихим. И снова приобрело свой смысл все в мире. Боль, ложь, начальники, деньги, мой давний безрадостный брак, одиночество, дальняя поздняя любовь, редкость встреч с ней и с моей внучкой. И я впустил в себя это море, цикад, серебристую пену на волнах, ступени разрушенных дворцов, вечернюю музыку. Они захлестнули весь осадок непонимания. В душе шаг за шагом стало восстанавливаться разрушенное единство. Гармония мира возвращалась трепетно-живой, юной. Я вдруг ощутил, что мир ко мне добр, величественно добр, как это море. Более того, он великодушен и щедр. Это истинно, и все истинно. И все ошибки, горе и обиды, как старые листья на стебле, были такими до боли человеческими ошибками. А значит, и в них есть истина. Потерянная в шуршании машин, криках и сплетнях гармония оказалась истинной и существующей.

Обрести и услышать.
И я иду.
Иди и слушай —
обрести и найти.
Слышишь?

— Александр Владимирович, а знаете, какое вино мы сегодня с вами пили перед дождем? Нам наш официант рассказал.

Мои новые знакомые приносили мне такую же беспечную радость, как моя маленькая внучка. Особенно пятнадцатилетняя Таня, севшая со мной рядом на лежак.

— Говорят, оно из Архан. Это самое знаменитое у них здесь красное вино. Туда даже есть экскурсия с дегустацией. Вы чувствуете, как действует?

— Кажется, да. А вы знаете, Танечка, я завтра собираюсь как раз в Арханы, только без экскурсии. А продегустировали мы и здесь отлично.

— С кайфом.

— Вот именно. Там есть святилище на горе Гюхта и древнейшие могильники — толосы. Они такие круглые, таинственные. Не хотите со мной?

— Ой, я лучше пойду на пляж. А вечером вы все расскажете, хорошо? И купите нам еще арханского!

На следующий день с утра на небе еще были облака, но пока я добрался до Архан, снова стало жарко. Проезжая мимо Кносса, я решил на обратном пути заглянуть во дворец. Почему-то в Арханах все близлежащие магазинчики были закрыты, и я с трудом купил заказанное мне знаменитое местное вино. В результате поездки получилась достаточно бестолковой. Я не успел в музей, а чтобы поехать в святилище, надо было специально договориться с кем-нибудь из его сотрудников и попросить открыть решетку, окружающую раскопки.

Я решил вначале пойти к гробницам. Их священная гора Гюхта слева от дороги казалась мягкой при ярком солнечном свете. Служитель у входа показал мне книгу о святилище, и я мельком увидел иллюстрацию — очевидно, реконструкцию какого-то известного события, может быть, землетрясения 1450 года до н. э. На рисунке разрушается храм, испуганный человек падает на землю. Но книга не продавалась, а расспрашивать было некогда, я спешил.

Не задерживаясь, я поднялся на холм и начал бродить между могильниками. Один полностью уцелел. Я спустился в черное пятидесятилетнее помещение. После яркого солнца здесь было темно и прохладно. Держась за чуть влажные стены, я на ощупь добрался еще до одной дыры, вошел в совсем темную погребальную камеру и дотронулся до ее влажных холодных камней. Странное непонятное ощущение возникло у меня, похожее на предчувствие. Был это страх, что я делаю что-то кощунственное, или иной трепет?..

Сколько же еще ждать?

И сотню лет,
и тысячу лет,
и еще тысячу...
Когда ты услышишь?

Я стоял, держась рукой за холодный камень, и в душе было что-то тихое и напряженное, как струна. Только одно я шептал: «Как имя твое? Я хочу почувствовать твое имя...»

Выйдя на ослепительно-яркое солнце, я понял, что уже не успеваю в святилище. Но все же я заехал в Кносс и еще раз рассмотрел на фреске этот тонкий профиль с расширенными безбрежными глазами и той самой улыбкой.

И когда я купался вечером в море, он мне все вспоминался.

Я стою пред началом времен.

После гибели мира.

Страшный суд совершили боги. Прекрасный остров погрузился в море, нахлынули волны, сотряслась земля, разрушилось все, дивные дворцы и храмы. Появились чужеземные воины, оскверняя кровью руины.

Люди. Они слышали песню бездны.
И кровь проступила на солнце,
и медленно едкою тьмою покрылся
извечный свет.

Зло и разрушение охватили мир. Зло – от людских сердец, разрушение – это плачут боги. Горы колебались. Дрожала земля. Конец.

Это нельзя пережить.

Это нельзя понять.

Она часто приходила к древней гробнице и, прижав руки к камням, подолгу стояла. Душа ее каменела.

Как пережить то, что увидела она, вернувшись из Египта?... Люди рассказывали и о новых страшных слухах, будто и Египет скоро ждет гибель, а те, кто успел уплыть с острова Фера, вряд ли спаслись. Феру все любили, там жили веселые искусные мастера. Зловещим было зрелище, когда он погрузился в волны.

Прошло много времени с той поры, как она вернулась на Крит. Долгие месяцы. Люди не знали, ради чего жить.

Знакомые горы таинственны.

Вдали шумит море.

Когда прошел тот ужас, меня начало мучить одно. Я попытаюсь рассказать о том, как учил меня жрец.

Вспомнив все, что увидела здесь на Крите – изуродованную землетрясением землю, разрушенные чудные города, где теперь пировали чужеземные воины, – она замерла. И стояла долго, неподвижно.

И вдруг упала на колени.

Она поняла, почему жрецы не давали ей посвящения ни в храме Изиды, ни в храме Великой Богини.

И сокровенным было то, что ей открывалось.

В какой-то момент, пройдя через ад, на грани безумья и горя, человек находит тишину.

Упасть на колени и почувствовать животворящую нежность травы, шелест листьев над головой.

Тишина наполнила весь мир, мягкая и хрупкая на ощупь.

И красота была неистребима. В ней бог раскрывался до того, как родился на земле.
На грани безумия и боли ты поймешь, где красота становится бессмертием.

Она встала и пошла по камням. Их было много – острых, разбросанных повсюду, похожих на страшные развалины колонн в Фестосе.

Так вот зачем она вернулась из Египта. «Что тебе еще осталось? Только дочь твоя и пепел».

«Что тебе еще осталось»...

Старый жрец приютил девочку в горах. В том святилище, о котором эти новые воины еще не знали.

Вот что ее так звало сюда.

В один злосчастный день и роковую ночь погиб наш мир.

«Что тебе еще осталось? Только дочь твоя и пепел». Она шла по мертвой земле, где раньше цвели сады, к Кноссу. Там стоял полуразрушенный, поруганный дворец, и в оскверненных святилищах чужие воины насиловали жен и дев.

Она остановилась у Дороги Процессий, поднялась на первую ступень и смотрела на святую гору Гюхта. За что земля дрожала от боли?

Старый жрец незаметно подошел к ней и встал рядом. Его гордый взор был тих. И она сказала:

– Наша песня была о жизни. Здесь рождалась радость. В Египте не так. Мы не были готовы к смерти... Неужели они о нас не вспомнят?

– Кто «они»?

– Те, кто будет после.

Глава 2

Крик Дива

Глеб уехал в маленький город Градонеж, а я решил дописывать статью, давно обещанную для сборника. Я сидел за городом и смотрел на нашу уютную речку, золотистую кору сосны, и мне вспомнилось: «О, пена морская, святая пена морская...» Здесь у нас все по-другому, даже жара в Подмоскovie селит в душе томление. Откуда-то из лесу доносятся песни и смех – наверное, туристы. Слабый ветерок принес дым костра. Мне хорошо в этом месте. Им в XII веке оно тоже нравилось, раз они построили тут деревню и пристань. Как все-таки наша жизнь отличается от жизни людей древности. Им бы многое сейчас показалось либо чудом, либо бредом. Вот я вчера еще смотрел на море, был на Крите, а сегодня уже здесь. Такие путешествия они представляли себе возможными разве что верхом на бeсе, как в одной древнерусской повести. А как же иначе летать по небу? Облако отражается в реке. А вот небо... Много сотен лет назад, наверное, было такое же небо. Интересно, люди, которые смотрели на него, были такими же, как мы, или другими?.. Станные мысли приходят ко мне, когда пишу эту статью, и как-то некстати. Хотя, может быть, наоборот? Наверное, мне просто трудно переключиться с поездки на Крит и минойской древности на средневековые тексты. Меня волнует загадка этой культуры, исчезнувшей и вновь открытой только в XX веке.

Эта красивая цивилизация была внезапно разрушена в XV веке до нашей эры, скорее всего, землетрясением на острове Санторин (бывшей Фере)⁶. Часть его погрузилась в море. По одной из теорий, это отразилось в легенде об Атлантиде. За что рок был так безжалостен к минойцам? Случайность?

...И с той страстью, с которой жители Страны песков строили свои пирамиды, он пытался понять...

Разрушенный Крит захватили воинственные ахейцы, их поход на Трою в XIII веке до н. э. воспел Гомер. А потом последовали пять веков молчания, исчезли письменность, искусства, люди разучились строить не только дворцы, но и обычные дома. И вдруг вновь – Гомер, Эллада... Однако следующие почти две тысячи лет поэмы об ахейцах казались поэтическим вымыслом, и люди жили, не зная о красоте критской, микенской культуры до Шлимана, Эванса, раскопок города Акротири на Фере.

Но сейчас передо мной совсем другое время и другая история. Я пытался вчитаться в летописные формулы. У них простой, ясный и величественный слог: «О, велика скорбь, и велика беда на всех человеceх». И вдруг мне почудилось что-то общее между строками древнерусской летописи, тем, что было на Крите, и чем-то еще, совсем близким нам. Это было так неуловимо... Я всегда раньше любил это чувство: вчитываешься в древний текст дальней эпохи, и приходит забытая ясность, похожая на ясность прошедшей любви, только более ясная. И боль и радость давно живших людей встают передо мной, и мне понятна их жизнь, хотя так мало понятного в своей. Странное чувство. Иногда оно приходит как наваждение. Их слова жгут, они как сгустки крови или несбывшихся надежд. Как все, что не удалось умершим под мечом, в плену, в огне...

Мы, с беспомощностью наших теорий и великим прозрением нашего поиска, когда старое забытое слово вдруг начинает оживать – мы в наших статьях, диссертациях и лекциях возвращаем его.

Я раздвинул траву, дотронулся до земли. Она была горячей.

⁶ Существуют и иные датировки землетрясения на острове Санторин, но они не меняют последовательности событий, изображенных в романе.

«Леса горели так, что птицы задыхались от дыма и падали на землю, потому что не могли лететь. И люди уходили и не знали куда. О, великая скорбь, и великая беда на всех человецех. И текла кровь по земле, как река сильная, грехов ради наших». Эта странная боль, это странное ощущение, будто я что-то должен людям, которые прожили и останутся в безмолвии (по Платону – «немотствуя») ... Нет, я не должен. Я вглядываюсь с той теплотой и нежностью, которые чувствуешь к ребенку или к любимой женщине. Были же там, тысячи лет назад, и красота, и великие страсти, и боль – и все это для нас в безмолвии?!

И чей-то ответный взгляд, ждущий и тихий...

С тем же чувством я всматривался во фрески и картины, и среди разрушений на картине Бакста «Античный ужас» виделся мне иной женственный лик, легкий и беспечный, как профиль, что мелькал на фресках в Кноссе, безымянный. «Как имя твое? Я хотел бы услышать твое имя».

...И с той страстностью, с которой создается все великое, от пирамид до песен, он пытался понять...

Я снова вчитывался в цитату из летописи: «В лето 6748⁷ везде были дым и гарь, и люди не знали, куда брели».

Боль – это еще не так страшно. Страшно, когда не знаешь, куда идти. Что они искали тогда, когда все погибло? Уж не в этот ли Градонеж они ушли, куда уехал сейчас Глеб? Забавный городок. Его жители считают, что все катаклизмы русской истории их почти не затронули. Что они сумели сохранить то, что другие не сберегли. Легенда эта – плод местного патриотизма, но то, что в градонежском музее хранятся интересные рукописи начала XX века, это точно. А когда я рассказал Глебу еще и о том, что там некоторое время снимал дачу сначала Шлиман, а потом его сын Сергей, Глеб сразу туда и поехал. Особенно когда узнал, что мой коллега Афанасий писал мне перед смертью как раз из Градонежа.

А ведь многим его внезапная смерть кажется странной. И человек с конференции упоминал моего утонувшего коллегу. Я почему-то начал волноваться за Глеба, тем более связь там плохая. Но вот наконец СМС: «У меня все хорошо, есть интересные находки. Связь исчезает, если получится, завтра напишу подробнее».

Глеб отослал, как ему показалось, успокоительное СМС Александру Владимировичу и задумался о том, что только что произошло и о чем он по совету местного краеведа Вадима решил пока никому не рассказывать. Даже профессору и Ане. Даже о том, что их коллегу, возможно, убили прошлым летом и это не было несчастным случаем. Кстати, Александр Владимирович ведь предупреждал, что здесь может быть опасно. Но все складывалось удачно. До вчерашнего дня.

Глеб посмотрел вдаль. Он стоял на высоком холме. Внизу блестела речка, а справа – озеро вдалеке. В этом простом пейзаже таилась странная притягательность. Когда Глеб только приехал и впервые вот так же вышел сюда, он почувствовал, что если не хочет, чтобы это чудное место стало ему потом постоянно сниться, он должен остаться здесь подольше и погрузиться в это дурманящее наваждение запахов липы, трав и золотистого меда.

Впрочем, археолог Николай Бугров мечтал об иных ароматах. «Запах гнили, Глеб, – вот это да! Это то, что обычно связано с находками берестяных грамот!» Потом по просьбе Николая Глеб начал собирать здесь фольклор, и тихая красота этого места начала обрастать легендами и преданиями. Некоторые странным образом были похожи на легенды о талисмане Шлимана, которые в последнее время ему часто приходилось слышать. Да, он не ошибся, приехав сюда. Становилось все интереснее и интереснее.

⁷ 1240 год н. э.

Археологи жили в сельской школе, находившейся в деревянном здании бывшей усадьбы XIX века. Летом здесь хранили найденную ими керамику. Двое учеников разбирали ее, из окна доносилось их пение с радостным припевом: «Опа! Опа! Ноги из раскопа!» Пахло липой, разнотравьем.

Николай целыми днями пропадал на раскопе и ночевал в школе, а Глеб жил то здесь, то в гостинице Градонежа, находившегося в трех километрах отсюда. Еще там был неплохой ресторан. Гостиница была устроена в каменном особняке, который представлял собой замечательный образец русского модерна начала XX века. В нем причудливо сочетались древнерусские мотивы (наличники, крыльцо) и готические башенки и балконы, что делало его похожим то ли на средневековый замок, то ли на дворец какого-то сказочного города.

Но все же Глебу больше нравилось в школе с археологами. Деревянный дом, запущенный сад, костры по вечерам, печеная картошка, шашлыки, терпкий вкус местных напитков – настоек и медовухи, песни под гитару и разговоры... В такие вечера Глеб гадал, зачем люди создают легенды о таинственных городах вроде местных преданий о Третьем Китеже, когда прямо здесь так просто и хорошо?

А потом случилось первое из череды событий и убийств, о которых он не хотел писать ни профессору, ни Ане. Рядом с разрушенной ротондой, у больших камней, над обрывом.

С утра все начиналось очень хорошо. Ему наконец-то удалось достать часть подлинника исторического романа начала XX века, которым многие так интересовались, и даже медальон (или его копию), возможно, принадлежавший его неизвестному автору. По сведениям Вадима, все это, в том числе и роман, связано с кладом XII века, хранившимся в одной из местных усадеб, но пропавшим во время Гражданской войны. Именно об этом Глеб думал, возвращаясь из города в школу, чтобы посоветоваться с археологом.

Ему нравилась тропинка вдоль озера, по которой он шел. Идешь по высокому берегу, поросшему вековыми соснами, внизу под обрывом лежат огромные камни, а сверху причудливо торчат корявые корни деревьев. Глебу виделась в этом суровая красота северной сказки. Но через несколько шагов берег погружается в болотистую топь. Там, где в озеро впадает быстрая речка, – омуты и бурлящий поток. В лунном свете это место выглядело еще таинственнее. Река вдали блестела загадочно и странно. Но вот луну закрыли тучи, и пошел дождь.

Пока Глеб пробирался сквозь мокрые кусты, он все время думал об авторе романа и вдруг понял, что его убили, иначе он успел бы все опубликовать и свои находки тоже. Глеб так ясно себе это представил, ощущение было таким острым, что он внезапно остановился.

И это его спасло.

Что-то тяжелое ударило его по плечу, хотя, очевидно, метили в голову. От неожиданности и пронзительной боли он поскользнулся. Дождь полил еще сильнее. Кажется, нападавших было трое. Глеб успел ударить одного, другой сорвал с его плеча спортивную сумку. Земля скользила под ногами, не удержавшись, Глеб чуть не упал с обрыва, в последний момент успев ухватиться правой рукой за корень дерева. Вниз что-то посыпалось, с неприятным звуком ударились о камни. Да, сорваться с такой высоты – безрадостная перспектива. Хорошо, что хоть нападавшие убежали.

Лил дождь, дул сильный ветер, дерево скрипело, и каждую секунду корень мог обломиться. В темноте было плохо видно. Но Глеб не зря любовался живописной природой. Он вспомнил, что левее берег понижается и начинается болотистое место. Надо только достать рукой до корня другого дерева, а потом вон до того кустарника. Корень его выдержал, до куста удалось дотянуться, но как только Глеб, с трудом ухватившись за ветки, попытался повиснуть на них, он сразу полетел вниз вместе с отвалившимся куском берега.

И оказался в болотной жиже. Кажется, кроме плеча, ничего не болело, только весь он был перемазан грязью. Ливень внезапно кончился, из-за туч снова выглянула луна. Рядом валялся большой ком земли, оторвавшийся от берега, и сильно пахло гнилью. Да уж. Зато падать было

мягко. Можно сказать, спасительный аромат. Недаром его так любит Николай, для него это аромат археологических открытий.

Вот, кстати, и венчик... то есть горлышко от горшка торчит. А вон там еще что-то интересное, возможно, лунница, древнерусское женское украшение. Он попытался разглядеть, что еще есть, но это оказалось бесполезно – слишком грязно и плохо видно. Наверное, здесь когда-то было селище, вроде тех, что Коля уже раскопал неподалеку. Пусть сам и разбирается. Глеб положил комочек земли с торчащими из него находками в карман испачканной куртки.

Вечером он отдал находки Николаю и перед сном решил перечитать часть романа, которую успел сфотографировать, в надежде понять, что за тайны в нем скрыты. Листы рукописи остались в сумке, которую у него отобрали. Интересно, почему на него напали? Не из-за этого же романа?

Речь там шла о двух отроках и калике Вавиле, о Древней Руси XII–XIII веков, о «самой веселой корчме», о мастерах и о каком-то странном камне.

Все как замороженные слушали одного мужа, которого многие называли Мастером. Большой, с круглыми, как румяные яблоки, щеками и маленьким носом, он рассказывал и махал толстыми руками с сильными распухшими пальцами.

– Ну что же, друзья мои! Думаю, вам ведомо, а кому нет, тот сам виноват, что перекресток трех дорог, где стоит корчма, некогда был самым веселым местом на нашей земле, а может быть, и на всем свете. Почему оно так – и самому старому колдуну неизвестно, а только это истинная правда. И вот там-то творились вещи небывалые. Однажды проведаль о том один добрый человек по прозвищу... как бишь его звали, я и забыл, потом вспомню. Так вот, был он нрава веселого, но и дерзкого... Гийом, – прервал он свою речь, – что ты там увидел?

Во время его речи отрок склонился над столом, пытаясь рассмотреть диковинного зверька с выпученными добрыми глазами, изображенного на краю чаши.

– Как дивно. На той церкви, у которой я родился, тоже были такие, только страшнее. Мне еще про них наш пресвитер рассказывал.

Мастер долго и серьезно глядел на отрока.

– Любы тебе они?... Где-то теперь Збыслав? – Он тяжело вздохнул. – Добрый был мастер, таких рук вряд ли еще найдешь. Помнишь его, Гюрята? – обратился он к корчмарю.

Насмешливые глаза того будто затуманились, когда он проговорил:

– Добрый, это правда. Как не помнить – задолжал он мне однажды. Сидит, а из-под рук у него такой чудный зверек выходит и будто плачет. Я ему говорю, подари мне его, и никаких кун мне от тебя не нужно. А я, вы знаете, люблю красу да дивность. «Добро у тебя в корчме, – отвечает он. – Да и я так просто сидеть не могу. Коли хочешь, я тут у тебя с радостью разных диковинок исхитрю». И вправду, вон сколько всего вырезал. Да и не он один – многие мой мед мне узорами отплатили. А мне любо, посмотрите, сколько тут чар да дивностей, будто колдовство. – Он гордо обвел руками избу. – Да, многие у меня мастера побывали, но у Збыслава, не в обиду другим будь сказано, в руках вещая мудрость была. И душа чиста, как родник. А вот судьба его тяжкая. Где-то он теперь, жив ли, кто знает...

– Дивный был мастер, – проговорил муж с красивым лицом, сам делавший чудные украшения.

– Да, подобный ему вряд ли когда родится, – вторил и тот, кого все самого называли Мастером.

– Ну уж! – возразил скоморох. – Не он один, есть у нас и другие! Да вот хотя бы ты – из твоей души и твоими руками такое создалось, всем городом тому храму дивуемся! А слышал ли ты... Я тут был на пиру у князя. – При этих словах скоморох гордо обвел всех взглядом. – И там узнал я, что князь новую церковь хочет ставить. Да какую-то дивную, не такую, как

раньше. Не поймешь, что он надумал, но слушать о том любо. А кому, кроме тебя, по силам такое чудное исхитрить?

– Я теперь только языком строю. – Мастер показал свои распухшие пальцы и снова обратился к Гийому: – А вот этого вот зверька, что тебе понравился, Збыслав в дальних странах увидел.

– Да Гийом может спеть нам и песни трубадуров!

– О, его стоит послушать, он много знает, – сказал гость в иноземной одежде.

Гийом смотрел на присутствующих как-то тихо, но пристально.

– Я знаю только то, что слышал от трубадуров, когда был еще мал. И хоть иногда я и пытался те слова повторять, все они как-то по-другому складываются у меня.

– Да как можешь, так и Расскажи, – попросил золотых дел мастер.

Увидев, что его слушают, отрок заговорил, его лицо стало ясным и голос вдруг таким неожиданно звонким, что все обернулись к нему.

– Пришли варяги из Заморья. Море было суровое, то серебристое, то черное. И когда оно пенилось, сердясь, корабли, как щепки, гибли в нем. И потому люди, что рисковали плавать по нему, были дерзки, смелы и находчивы. Они любили битвы, добычу...

– А жен? – заинтересованно спросил Вавила, высокий калика с рыжими волосами.

– Жен? Любовь викингов – как их море, есть в ней суровость. Про жен чудные песни слышал я в других странах.

– А как же Харальд, что пел о нашей Елизавете? Сказывают, хороша была княжна и нравом гордая.

– Елизавета – то особая песня.

– Дай, Вавила, отроку досказать, – вмешался корчмарь. – Кроме жен, на свете еще много чего есть дивного. Мы хотим про викингов послушать.

Отрок продолжил:

– Холодно было в краю их, и много крови лилось. И пришли они в южный край, а потом и на остров.

– И там-то слышал ты уж другие песни и чудные сказки. Мнится, они и поманили тебя в дальние края. Расскажи-ка их, – попросил гость в иноземной одежде.

– Да, поют там о любви, о белокурой Изольде и Тристане. А в Шампани я слышал, как в замке прекрасной графини Марии, сестры французского короля, чудно пели про Грааль.

– Ну, про него ты, видать, много слышал. – И гость, вдруг словно пораженный внезапной мыслью, воззрился на отрока уже хмельными глазами. – Уж не собрался ли ты его искать, Гийом? Уж не затем ли ты так хотел отправиться в Гардарику? Будешь ли ты с нами возвращаться, как отплывем отсюда?

– Еще не знаю, я потом решу.

– Вот оно... А глаза-то у тебя как блестят! Такие-то его и ищут. О, я много видел! – Иноземный гость от крепкого меда корчмаря окончательно захмелел, и страстная речь его была сбивчива. – Везде люди ищут... что они ищут... Грааль... Камень то или чаша – по-разному говорят. А в нем либо мудрость, либо счастье. А некоторые думают, что его вообще нет. Вы посмотрите на Гийома, на его глаза. Расскажи-ка ты братии про Грааль!

– Я и вправду слышал, про рыцаря. Он шел по длинной дороге. Он усомнился в Боге. Но вот однажды увидел Грааль. В том чуде – предвечная сила. Будто кто его видит, тому тайна открывается. Там вечная юность, краса, истина. И яства неземные.

– Какие яства?

– Разные, какие кто пожелает.

– Вот это по мне! – Вавила отхлебнул меду. – Такое и я пошел бы искать! А знаешь, Гийом, что я тебе скажу? Наш хозяин тоже одну ворожбу знает, вроде как от твоего Грааля. Что это вы мало пьете? В этой вот чаше, может, тоже есть тайная сила!

И они выпили, и золотистый крепкий мед чудно заворожил их непривычные к тому головы. И в этой светлой дымке Гийом, для которого тайна Грааля и вправду блестела вдали, как манящая песня, слышал пьяные и задорные голоса.

– Вот вы смеетесь над отроком, – заметил красивый золотых дел мастер, – а может, этот Грааль и вправду у нас. Краев-то глухих у нас много. И чего только люди про них не рассказывают.

– Как ты сказал – Грааль? – Кузнец нахмурился, что-то припоминая, поднял отяжелевший взгляд от чаши. – Уж не про него ли те двое говорили? Пришли подковать коня, а я, прости господи, хмелен был, толком их не разглядел, так голова болела. Однако ж за дело взялся. А они вроде мужи-то как все, и кони хорошие, а между собой такую безлепицу молвили, точно помешанные или юродивые. И вот про камень какой-то... Может, он и здесь, говорит один, а может, его увезли, спрятали, а живущие здесь называют Бел-горюч камнем. Уж зачем он им был нужен, не помню, однако заплатили хорошо.

– Это правда, всякое говорят. Будто есть у нас такие места на земле, где черт-те что творится, то ли колдовство, то ли такое, что и сказать о том не знаю как, – заметил корчмарь.

– И я от нашего пресвитера тоже об этом слышал еще давно, в моем дальнем краю. И с тех пор очень хочется мне узнать об этом. – И Гийом вопросительно посмотрел на бражников.

– А вот когда вы пришли, Мастер про такое и рассказывал. Про самое веселое место, про корчму да и про многое другое.

Тут в избу вошли трое с гуслями, а за ними еще высокий однорукий человек, сразу молчаливо усевшийся в углу. Дверь они оставили приоткрытой. Старший из гусляров проговорил:

– Ух, и жарко тут у вас, братия! И изба натоплена, и вы, видать, все тут очень горячи, или слова ваши как огонь. Или мед у тебя, корчмарь, особенный.

Корчмарь поставил перед ними чаши.

– В меде у меня есть свой жар, что верно, то верно. Посмотрите-ка на них на всех. И сами попробуйте.

– Еще бы к твоему меду потешили бы вы странников забавной какой сказкою.

– Истинно говорят: дай премудрому вина – премудрее будет, – заметил Мастер. – Отроки, налить вам еще? Выпьем, Гийом, Влас!

Гийом и вправду следил за их речами сквозь сладкую мглу. Мед корчмаря оказался для него дивным напитком.

– А вот еще что про ту корчму рассказывают, – продолжил Мастер. – Шел к той корчме муж, в одной руке нес уголья, а в другой воду. «Что это у тебя?» – спросили его. «А вот хочу я залить ад и поджечь рай. Чтобы творили люди добро не из страха перед геенной и не ради рая, будто ради награды, а из любви. Ведь любовь есть Бог, а Бог есть любовь».

– И чего только в моей корчме не услышишь, – вставил корчмарь.

– Это верно. А я знал человека, который тот камень видел. Хотя он, думаю, погиб в плену, – подал голос скоморох.

– Будет тебе врать-то. – Вавила оглядел скомороха. – Ты еще скажи, что до Ярилиной веси доходил и до Бел-горюч камня. И даже до разноцветного рая.

– Ну, там я не был. Но, может, догадываюсь, где туда пролегает дорожка.

– Ну и где же? – спросил золотых дел мастер.

– Будто ты не знаешь. К тебе много народу ходит, небось слышал.

– Кабы догадывался, не спрашивал бы, – пожал плечами золотых дел мастер.

Во всем его облике, казалось, отразилась красота тонких, искусно сделанных вещей, от женских безделушек до церковной утвари, которые ценились не только в их городе, но и в иных

краях. Он не был одет роскошно, но фибула⁸ на корзно⁹, гривна и перстни на гибких пальцах были полны той простой изысканности, что часто сопутствует Божьему дару.

– Я думаю, та диковинная корчма, о которой рассказывал Мастер, стоит как раз на пути к Ярилиной веси.

– Ох, Местята! Ты как меду набираешься, так всякую безлепицу несешь, – заметил Мастер.

– Ну, я бы так сразу ругаться не стал. И коли не все принимаете, то хоть половину, а коли не верите, то зачем спрашиваете?.. Я вот еще слышал, что тот городок, Третий Китеж, что Изяслав основал, тоже стоит на дороге к Бел-горюч камню и Ярилиной веси... А тебе-то самому про Ярилину весь кто говорил? – обратился Местята снова к золотых дел мастеру.

– Как и всем, разные люди. Да вот хоть однажды, помню, боярышня, зашедшая в мастерскую, про нее помянула. Увидела у меня одно изделие и спрашивает: «Что это за чудный камень у тебя? Уж не из Ярилиной ли веси? Такие только там бывают». А он и вправду попал ко мне по случаю, а откуда – не знаю. Зашел под вечер человек в корзно, разбудил меня, я даже лица его не рассмотрел. «Не можешь ли ты, – говорит, – мастер, оценить эту безделицу? И можешь ли сделать такую же?» И протянул мне. Странная была вещица, а сам камень и того дивнее. «Дозволь спросить, откуда он у тебя?» – спрашиваю. «А не все ли тебе равно? – говорит. – Считай, что достал я его в Ярилиной веси». «Не могу я, – отвечаю, – взять его у тебя, коль не хочешь сказать, откуда он, а лишь сказки рассказываешь». «Ты что, – говорит незнакомец, – боишься, он краденый?» «Не хочу тебя обидеть, но бог его знает, все на свете бывает. Зря ты пришел ко мне. Да и не могу я его сейчас рассмотреть – темно». «Тогда я оставлю его до утра». Сказал и пошел прочь. А от двери крикнул: «Если не вернусь завтра, делай с ним что хочешь».

– А дальше что? – спросил корчмарь.

– Хоть и темно было, только одна свечка тогда у меня горела, но очень хотелось мне его разглядеть. Все на нем переплелось, узоры разные. Ну, очень уж плохо было видно. А тут вдруг входит эта боярышня. Заглядывают они ко мне по моему ремеслу часто, но на эту я про себя чертыхнулся. Вот, думаю, принесло не ко времени! И стала она всякие мои изделия смотреть, попросила и тот камень. И ну его вертеть! К двери поднесла, открыла ее, луна была яркая, а у девок глаза-то острые, видать, что-то и разглядела. «Хорош, – говорит, – прямо как из Ярилиной веси». И как она это сказала, запало мне что-то на ум, будто заноза, и что это, не пойму, и словом не скажешь. Да и странно, мне как-то в тот вечер томно было. Из двери раскрытой послышались соловьиные трели и еще что-то. И какая-то нить, поначалу неясная, появилась. Но, однако же, виду я не подал, от этих девок, думаю, одно наваждение. «Мне, – отвечаю ей, – какая разница, хоть из Ярилиной веси, хоть из Вырья, только бы все по-честному». Ушла она скоро. И ведь не пришло мне тогда в голову, отчего это они про Ярилину весь поминают. И лиц их не было видно, боярышня та тоже закутана была. А может, и не боярышня-то вовсе, кто ее знает, что за девица. Ночью я все о том думал, и потом мне сны какие-то чудные снились. А утром глядь – а камня того уже и нет. Но и человек тот тоже не пришел, хоть я и прождал его целый день.

– Один тать принес, другой украл, – заметил кузнец. – Сам говоришь, дверь раскрыта была.

– А может, это боярышня? Уж очень он ей понравился, – предположил Местята.

– Не может того быть.

– Ну, не скажи! Жены у нас такие, что бог их знает, что у них на уме. Может, и не эта, а какая-нибудь другая утатила, как сорока. Много же их к тебе ходит. А от всех этих твоих узорочий, каменьев и хитрых безделиц у них у всех будто ум мешается, – вздохнул Вавила. – При-

⁸ Фибула – застежка.

⁹ Корзно – плащ, богатая одежда.

несешь ей перстенок, и слова такие ласковые сразу наговорит – ты и свет очей ее, и как видит тебя, словно обмирает, ну прямо сейчас на землю упадет. Нет чтобы мужа так, без подарка приветить! А уж коли нет ничего, как вот сейчас у меня, то лучше к ним и не соваться.

– Ну, Вавила, ты опять про жен... Если и девица утатила, то, думаю, не из простого любопытства, – сказал Мастер задумчиво. – Может, то был камень Шамир, который нашел Соломон, чтобы построить храм Господень. Говорят, такой камень особо мастерам помогает, когда они ищут свой путь. Или, может, то был тайный змеевик, что, по новгородскому пророчеству, поможет, когда придет погибель на нашу землю. Но мастера спасутся и спасут и камень...

Мы не умолчим, а скажем:
и тому чуду дивуемся,
как иные мудрые
ищут тайный камень
и знаки на его пути.

– А имени его не знают. Кто говорит, Бел-горюч камень, кто – Синь-камень, а франки называют еще как-то...

После этих слов другими чернилами и другим почерком очень неразборчиво было написано:

Камень, что хранится здесь, и предсказание о том, что мастера спасутся и спасут камень – ложь то или правда, не ведаю.

И это было так, нам дано было подняться перед тем, как великие бедствия придут на нашу землю.

И с той силой, как некие мудрецы ищут камень, так и я мечусь в своей жизни.

И если ты прикоснешься к этому, древние тайны начнут тебя преследовать, они будут тебе сниться. Потому и многие из наших путешествуют – кто в Египет к пирамиде Джосера, кто на Крит к Эвансу, открывшему минойцев. Но прежде найди тот лесной монастырь. И то, что там осталось...

На этом отрывок обрывался. Глеб подумал, что разбираться с этим лучше на свежую голову, и лег спать. Ночью ему приснился странный сон: два мастера, старик и мальчик, идут по пепелищу к сожженной деревне...

А утром... Это было замечательное утро в начале ужасного дня удивительного открытия и убийства (или несчастного случая, так похожего на убийство).

В восемь утра к нему стремительно вбежал Николай – высокий, белокурый. Таким Глеб представлял себе русского богатыря Микулу Селяниновича (тем более тот получил свою силушку от земли, а археолог тоже часто в ней копался). Он нес в руке бутылку травяной настойки. И у него было странное выражение лица.

– Глеб, ты себе не представляешь, что ты нашел!

– Думаю, то, чем вы забили уже полдома – вашу любимую керамику двенадцатого века.

– Какая керамика? Где ты подобрал то, что вчера мне принес?

– Да там же, куда и свалился, под обрывом.

– Вместе с лунницей и черепком ты принес берестяную грамоту! Не зря я говорил, что дерево здесь сохраняется не хуже, чем в Новгороде. Но дело не в этом. Грамоты сейчас находят во многих местах, но эта довольно легко читается. Ты знаешь, что там написано? Это тебе не перечисление долгов или товаров, как на большинстве из них!

– Судя по твоему сияющему виду, это кусок «Слова о полку Игореве».

– Почти! Второго по красоте и загадочности произведения того времени!

– Неужели «Слова о погибели земли Русской»?

– Вот именно!

– Если это так, то, в самом деле, это не менее таинственно, чем «Слово о полку Игореве». Существуют только два его списка, и оба оборванные, там только начало. Меньше только «Поучение Мономаха» – один, и «Слово о полку Игореве», списка которого вообще нет.

Поставив бутылку на стул, Коля бережно протянул Глебу два кусочка стекла, между которыми лежала грамота. Он только так смог обработать ее в походных условиях. Но грамота оказалась такой хорошей сохранности, что можно было разобрать часть текста.

– Смотри, почти точная цитата из «Слова о погибели...». А вот это тебе ничего не напоминает?

– Очень похоже на предложение из исчезнувшего романа.

Глеб принес из комнаты стаканы и разлил настойку.

– За это надо выпить. Ты понимаешь, что получается? Ведь все списки «Слова о погибели земли Русской» так же, как и сгоревший «Слова о полку Игореве» – поздние, не раньше шестнадцатого века. А тут очевидный тринадцатый век!

– Похоже, это открытие! И какое!

– И это еще не все! В романе герой говорит фразу, которой нет в списках «Слова о погибели...», но она есть в той берестяной грамоте, что мы нашли. Кроме этой фразы, там еще есть цитата из «Слова о погибели...».

– И это значит, что автор не все выдумал, а использовал неизвестные нам источники, утраченные рукописи и предания. И тогда многое, про что упоминается в романе, может оказаться не фантазией, а реальными фактами.

– И про Бел-горюч камень, и про талисман, и про клад... Самые ценные найденные в России клады – домонгольские. Оно и понятно, люди их спрятали, а потом не смогли взять. Я в музее рядом с рукописью романа видел страничку какого-то местного краеведа с записью о кладах. Там упоминается рассказ «Киево-Печерского патерика» о том, как монахи Феодор и Василий не отдали варяжский клад князю Мстиславу даже под пытками. Там же, по его мнению, хранились древние славянские источники «Повести временных лет». Из Константинополя привозили в Киев ценности и книги и иноки-греки, жившие в Киево-Печерском монастыре, и мать Владимира Мономаха, византийская принцесса. Все это оказалось у Андрея Боголюбского после взятия Киева, и в 1174 году его убийцами или иными приходившими грабить людьми было увезено, как сказано в Ипатьевской летописи, «прочь». А неизвестный краевед предположил, что «прочь» – это как раз сюда, в Градонеж. Он еще писал, что, по достоверным местным преданиям, был там особый камень, змеевик, копия греческой геммы, попавшей сюда то ли с греческим митрополитом, то ли с матерью Мономаха. И его будто бы видел Шлиман. И в девятнадцатом веке местные любители истории сделали со змеевика копию, которую у тебя вчера отняли вместе с рукописью.

– Как у тебя глаза странно блестят, – заметил Глеб. – Я недавно смотрел передачу про заколдованные и проклятые клады и про археологов, убитых из-за скифского золота. Возможно, это объясняет, почему вокруг происходят эти странные события. Кто-то очень хочет нам помешать, выгнать отсюда. Понятно даже, почему на меня напали.

– А мне непонятно, – возразил Николай. – Ведь не было же известно, что такого таинственного в этой рукописи.

– Значит, те, кто напал, догадывались. Традиция здесь такая – верить в легенды.

– Очень может быть... Ну, кто бы это ни был – черные археологи, криминальные элементы, бизнесмены, секты или кто-нибудь еще, – они случайно помогли нам. Не спихнули бы они тебя с обрыва – не попала бы к нам эта берестяная грамота.

– Но теперь хоть можно предположить, почему рукопись украли. Кроме всего прочего, там могли быть приписки на полях о каких-нибудь средневековых источниках романа и о том,

где был спрятан клад. Антонина, хозяйка гостиницы, говорила, что сокровища там еще остались.

– Разгадать бы таинственные намеки романа... И про Грааль тоже.

– Не так уж и странно, что автор его упоминает. Между прочим, моя гипотеза про Грааль вполне приемлема. Впервые она пришла мне в голову, когда я еще в студенческие годы был в фольклорной экспедиции. Легенды возникают из многих устных сказаний, потом их записывают, подобно тому, как в образе Владимира Красное Солнышко смешались представления о Владимире Первом и Владимире Мономахе. В Средние века в фольклоре не могло быть иначе. Просто было много всего, что потом назвали Граалем. И впоследствии все это слилось в одну легенду. Грааль – это не отдельный предмет, а явление, у которого есть вариации. Тогда исчезает вся эта путаница – чаша, камень... Одно из преданий, по Вольфраму фон Эшенбаху, зародилось где-то по пути на Восток. Возможно, на Руси. О чем-то похожем писал и Николай Рерих. А еще была легенда о разноцветном рае и о камне, привезенном оттуда новгородцами в двенадцатом веке.

Археолог допил настойку и покачал головой.

– Я уже запутался: Бел-горюч камень, Грааль, талисман княжича Изяслава, талисман Шлимана, да еще и разноцветный рай...

– Так, пока на нас еще кто-нибудь не напал, будем искать. Начнем вот с чего. Отнесем грамоту в сейф в гостиницу. Лучшего места для нее пока не найти.

Археолог осторожно положил стекла с грамотой в контейнер. Если бы Глеб знал, как будет потом жалеть о своем решении! Но в тот момент мысль показалась ему очень удачной. С Антониной, хозяйкой гостиницы и соседкой Вадима, необходимо было наладить контакт. На встречу с этой малопривлекательной, крикливой и вздорной женщиной он возлагал большие надежды.

Она что-то знала, Вадим был уверен в этом. И про забытый монастырь или его руины, и про клад. Даже, может быть, и про камень. Ее двоюродная тетка, от которой Антонина получила наследство, ей много всего рассказала. Но у Вадима с Антониной был затяжной соседский конфликт в гоголевском стиле, похожий на тот, когда Иван Иванович ссорился с Иваном Никифоровичем. В чем заключалась суть их взаимных претензий, Глеб так до конца и не понял. Речь шла о каком-то ручье, протекавшем через их соседние участки. Впрочем, возможно, дело не только в соседских разборках. Глеб вчера в ресторане наблюдал, как Антонина флиртовала с бизнесменом из Москвы. Он тоже расспрашивал ее о местных преданиях, кладе, таинственном лесном монастыре, старообрядцах и тайнах Градонежа, который он считал Третьим Китежем. Антонина улыбалась собеседнику. Ей уже было около сорока. Она, пожалуй, могла бы сойти за привлекательную женщину – немного полноватая, с пухлыми губами, – но ее портил нервный напряженный взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.